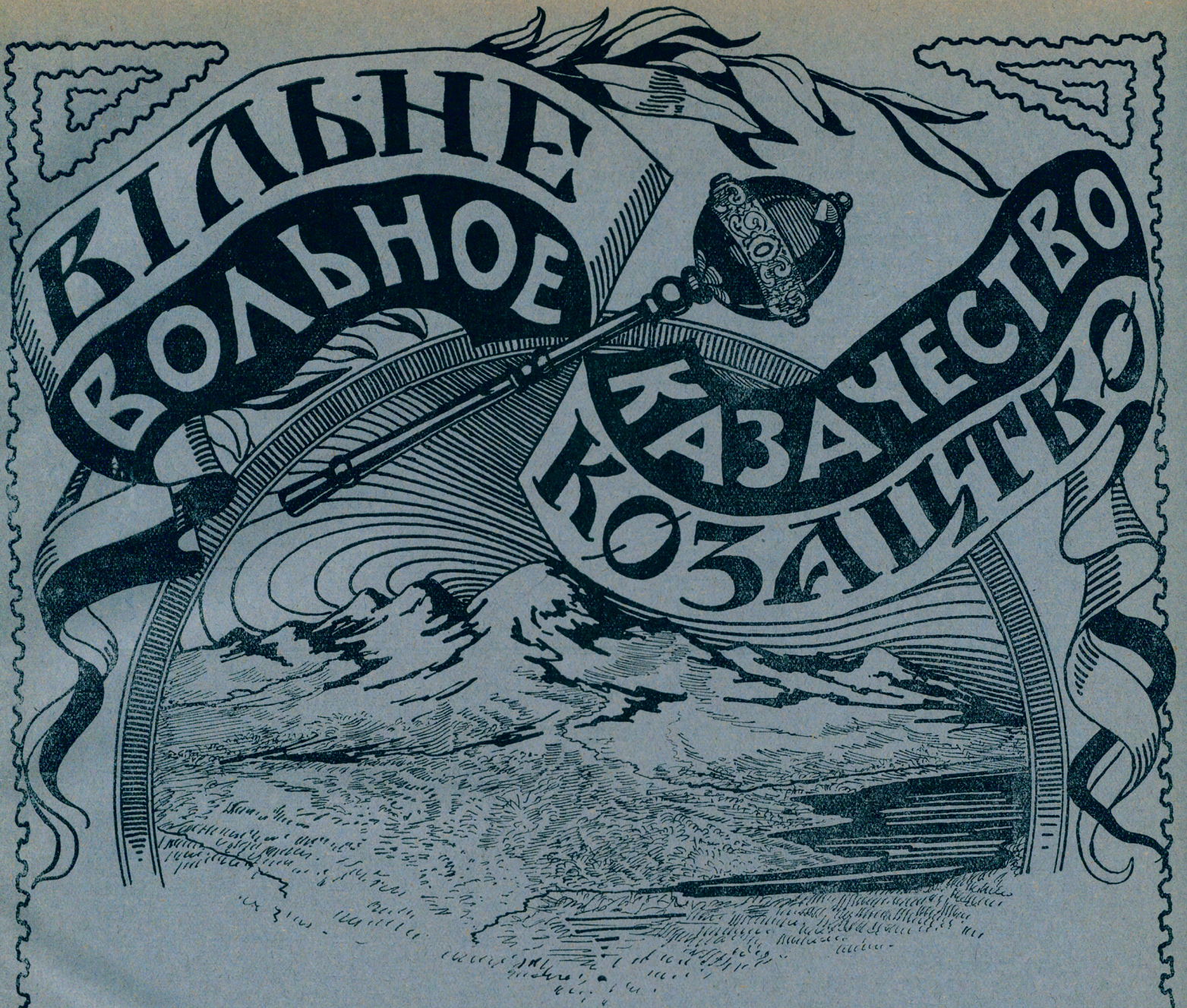

10-го мая 1929 г. 35 10-го травня 1929 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ОЙ РІК ВИДАННЯ 2-ИЙ

М. Битинский

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. *Л. Самсонова:* Старый сказ.
2. *Сергей Макеев:* Превратность судьбы.
3. *Алексей Персидсков:* Дон — Днепру. Стихи.
4. *Конст. Поляков:* Степям. Стихи.
5. *Б. Кундрюцков:* Пьяница.
6. *Микола Оверкович:* У Великі Дні.
7. *О. Півень:* Христос Воскрес.

8. Л. Троцкий о советских делах и перспективах.
9. Христос Воскрес.
10. *В. Карый:* Правда побеждает.
11. *Инж. Бейсуг:* К проблемме нашего экономического возрождения.
12. *Козак Бидолага:* Трагедия Кубанской Армии.
13. *И. Зерщиков:* Казачий вопрос... в фильме.
14. *Вл. Куртин:* Послесловие к „Кавказскому восстанию".
15. *Адыль-Гирей Кулатти:* Мое знакомство с Ю. Гончаровым.
16. *Ш. Балинов:* Характерная мелочь.
17. Казачьи песни.
18. Международная жизнь.
19. Среди русской эмиграции.
20. Думы и мысли.
21. Казачья эмиграция.
22. В Казачьих Землях.
23. Библиография.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Редакция „В. К." искренно благодарит всех своих читателей и сотрудников, поздравивших ее с праздником Светлаго Христова Воскресения!

Белград — А. З. — Получено. Привет!

Брно. — L. — Получено. Пойдет. Привет!

Болгария. — И. В. — Просьбу Вашу исполняем. Привет!

Польща. — В. К. — Листа и вірші одержали. Де-що підійде. Вітаємо.

Польша. — Вл. Ер. — За присланный материал спасибо. Подойдет. Сотрудничество г. П. желательно. Журнал ему послан.

Югославия. — Г. М. — Дякуємо.

София. — П. Н. — Ответ будет письмом. Привет!

Брно. — В. И. — Исполнено.

Бельгийское Конго. — Ш. — Получено. Спасибо. Привет Вам!

Белград. — А. С. — „В плавнях" получено. Пришлите весь рассказ сразу. Привет.

Орловат. — Г. А. — Послано.

Югославия. — И. А. Смир-ов. — Напишите нам разборчиво свой адрес.

Киселин. — К. П. — Журнал послан. Привет всем!

Франция. — Н. К. — Ваше письмо пересылается нами представителю „В. К." в Румынии, который, если сможет, и исполнит Вашу просьбу.

Франция. — С. М. — „Картинки" получены. Пойдут. Привет!

Белград. — Б. К. — Получено. Привет!

Брно. — И. Б. — Ждем обещанный материал.

Румыния. — В. Е. — Получено. Ответ будет письмом. Привет!

Далмация. — В. К. — Получено. Ответ будет. Привет!

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков.

Београд, Кочина ул., 1.

В БОЛГАРИИ

П. В. Нос.

София. Антим I, 75.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров.

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

От редакции. Просим исправить следующие опечатки в предыдущем (34) номере „В. К."

1. В стихотворении Вл. Полякова вместо:

„Когда земля оденется земным покровом"

нужно читать:

„Когда земля оденется ночным покровом".

2. В отделе „В Каз. Землях", в начале статьи „Из печати" фразу, начинающуюся словами „середняки то они середняки..." правильно следует читать так:

„Середняки то они середняки, но казаки... И бедняк-казак не свободен от понятий о казачьей чести".

Розыски.

1. Под'есаула 1-го Кавказского полка Бабаева, Павла Ивановича; 2. б. Атамана станицы Кавказской Стукалова, Козьму Ивановича; 3. б. Казначея Кавказского отдела полковника Шпигановича; 4. Всех казаков станицы Кавказской прошу отозваться — есть общее дело.

Розыскивает Ѳ. И. Елисеев (Elisseeff Vichy, France, 81, rue Jeans Jaures).

Лиц, знающих адрес Петра Дм. Кучеря, просят сообщить таковой в редакцию „В. К."

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

№ 35 *Прага, пятница 10-го мая 1929 г.* *№ 35*

Любовь Самсонова. *(Прага).*

СТАРЫЙ СКАЗ.

Снежки белые, пушистые
Замели дорожки;
У зазнобушки души —
Беленькие ножки.
Бело-розовый закат,
Синенькие тучки;
Мягче бархатных шелков
Любушкины ручки.
Василечка голубей
Ее ясны глазки,
Уголечка горячей
Ее бабьи ласки.
Голосочек серебро —
Колокольчик звонкий, —
Толь зазноба хороша
Боярская женка!..
. . . . . .
Што, дурак, бахвалишься?
Чево, глупый, хвалишься?
Каку таку женку?!.
Тебе-ль — казаченку?
Каки в теле радости,
Акромя то младости?
То ли, што чуб длиннай,
Да язык аршиннай!
Языком то чешешь,
Как собака брешешь!..
. . . . . .
Ух ты, чарка, чарочка
Государева винца,
От тебя-ль головушка
Потяжель будет свинца...
Шашка гайдамацкая,
Удаль ты казацкая...
Чаво в спор мешаешься?
Гляди! — Проболтаешься!
. . . . . .
Жемчуга бурмацкаи
Раскатилися,
Были дни веселые, —
Да забылися.
Была воля девичья —
Да продалася.
Счастье жемчужинкою —
Затерялося.
Позакованы в запястья —
Белы рученьки,
У боярина повадки —
Больно крутеньки.
Во дворе под теремочком —
Три собачушки...
Эх, колечко, перстенечек.
Куды катишься!..
Куды катишься,
Раскатилося...
Мое счастьице
Расскочилося...
. . . . . .
Во садочку по снегу
Крупные следочки;
Коротки с любимою
Огненные ночки.
Как по зоренькам скрипят,
В сенях половицы;
В клетке весело поет —
Теремная птица.
. . . . . .
Што то мне не спится?
Жаркая перина...
Позави ка мне сюда
Дурака Мартына!
Пусть мне байку пропоет,
Сказку, што-ль расскажет,
Аль китайских, штоль, теней
На стене покажет?!.
Сон от глаз моих бежит,
Как от солнца тучи...
Ну, дурак, садись сюда,
Заводи покруче!..
. . . . . .
Я то жиже разведу,
Кашицу крутую,
Где-ж мне дураку хлебать
Горячу такую!..
Я те сказку расскажу —
Ан, ты, правду мекай,
Как вчерась в твоем дворе,
Петух кукарекал
. . . . . .
Жил боярин на Москве,
Как султан богатый,
Был спесивый, как индюк,
Да к тому ж — рогатый,
У него жена была,
Как малинка спелая
Сдобная уж, как кулич,
Белая, пребелая!
Уж наш муж свою жену,
Пестовал и баловал,
Да злодей, как тать в ночи,
В дом к ним припожаловал
Что ни ночь, трещат полы
В боярскую спальницу...
Нянька ж у боярыни,

Велика молчальница!
Ходит в гости к ним казак
С Зимовой станицы.
Понаехал — де, он к нам,
Аж с Белой Криницы,
Уж и богатей собой —
Великая сила,
И за двадцать штоль годков
Чуть, перевалило;
Рот, те, полон жемчугов,
Очи искры мечут,
Атлас черный кудреца,
Словом, — вольный кречет!
Перевесил знать мошну
Лысого спесивца,
Ну, боярыня к нему,
Ласковой синицей!
Вон, бахвалил в кабаке: —
... — Кушаю малину;
Да плюю потом с крыльца
В боярову спину...
Ох, боярин! да за чтож?! —
— За твою малину!..
Долго будешь вспоминать
Боярову спину!
Завтра придешь по утру,
Дам тебе три гривны!..
Пшел, Июда, с глаз долой
А не то, как двину!..
Кровью пахнет твой то сказ!
Подожди, — проверю...
Аж глазами посмотрю,
Ну, тогда поверю!
. . . . . .

Эх, пьяней вина к утру
Огненные ласки,
Недоскажешь до конца
Любовную сказку!
Уж и зорька за окном
Расстилается,
Боярыня к казаку
Ласочкой ласкается...
В головах женка
Казацкая,
Шашечка, толи,
Гайдамацкая.
Эй, казак! Брось
Чужую!
Хватай скорей свою
Вековую!
Ай, не чуешь, кто за твоей головой
Гонится?..
Казак к любушкиным губкам
Клонится...
Клонится... наклоняется...
Головушка казачья от тела
Отделяется!
А и любушкина голова
Склонилася,
От тела белого
Отделилася
. . . . . .
Заплачет на Дону мамушка
Сиротинушкой, —
Покушал сыночек боярской,
Малинушки!..

••••••••••••••••

Сергей Макеев.

Превратность судьбы.

— Эй, казак, вставай! Работай нада! — такими словами будил нас от сна наш новый хозяин-турок.

Было часа четыре утра, но круглолицая луна так ярко освещала всю местность, что хозяин считал необходимым начинать работу задолго до рассвета.

Нас было пять человек. С заспанными лицами, с больными от усталости и изнеможения конечностями, мы вылезли из соломы и, ежась от утренней прохлады, ожидали хозяйских распоряжений. Экономия была небольшая, но как раз шла уборка хлеба и спешка с молотьбой совершенно лишали отдыха.

— А ты, болшой казак, пойдешь коров пасти. Чобан болной. Да смотри карашо, чтобы в кукурузу не залезли. Возми с собой хлеба — вес ден в поле будешь. Доить коров цыганки придут.

Это распоряжение относилось ко мне. Я был всех выше ростом и хозяин называл меня „болшой руска".

„Ну что-ж, коли коров пасти, так пасти!"

В то время не приходилось много размышлять и выбирать работу по собственному желанию. Дело это происходило в Турции, когда десятки тысяч казаков, покинув родные станицы, выбросились на берегах Босфора, и, в ожидании помощи от всесильных союзников, бродили из конца в конец в поисках работы. Случайно и мы, путешествуя по образу пешего хождения, наткнулись на эту экономию и сразу же все пять устроились на молотьбу.

Первые дни и я работал усердно и не отставал от казаков, но потом стал сдавать. Раненая рука, да еще с атрофией плеча, совершенно отказывалась исполнять физические упражнения на молотилке.

Напрасно казаки подыскивали для меня более легкую работу, — в сельском хозяйстве за что ни возьмись, — нужны здоровые руки и плечи. Обратил на меня внимание и сам хозяин, а нужно сказать правду, что турок был очень симпатичный старичек и с большой любовью относился к казакам. Он жил когда то на Кавказе и много лет провел среди казаков. Да и наши хлопцы так рьяно работали, что эфенди был в восторге и всегда ставил в пример цыганам, которые работали вместе с нами, расположившись табором возле экономии. Лентяи они были ужасные, но по ночам усиленно делали вылазки на раскинутые вокруг огороды и баштаны.

Заболел чем то пастух-турченок и вот, чтобы облегчить мне труд, он отправил меня со стадом, освобождая на время от тяжелой работы. Получив такое приказание я направился в коровник. При свете тусклых, черных от копоти фонарей, цыганки возились с ведрами, спеша освободить коров от молока.

Запах навоза, свежего, парного молока, мычанье телят, оторванных от маток, напомнили мне отцовский дом, родные поля и луга, пестрые стада черкасской скотины, и я, облокотившись о столб, служивший подпоркой, вспомнил вдруг, как выгонялось стадо у нас дома, как бил в доску пастух, дробью выбивая утреннюю зорю:

„Выгоняйте-ка скотину
На широкую долину!"

Широкие, зеленые луга... Простор и раздолье! Разбредутся стада и глазом не окинешь! Как все было хорошо у нас дома, на родной Кубани, где землю измеряли десятинами, где станица от станицы стоят на десятки верст и где стадам отводили такие огромные участки, что на каждом из них можно города строить.

А здесь что? Разве это пастбище? Разве есть луга с сочной, душистой травой? Один бурьян с лебедой...

— Иды скорей, казаче, пэй молока, хазаин нету! Молодая цыганка прервала мои размышления и принялась угощать меня теплым парным молоком.

— Откуда будэш? — спросила она.

Я ответил.

Знаю... долго жили там... тоже бежали всем табором... Аллах! Аллах! На все его воля! Приходи вечером я тэбе погадаю... Правду скажу...

Уже совсем рассвело, когда я выгнал коров и вдоль берега большого, красивого озера погнал на пастбище.

Тихое озеро зеркальной гладью переливалось в утренних лучах. Рыба игриво плескалась, фонтаном серебристых брызг приветствуя восход солнца. Дикие утки беспечно плавали у самого берега, хватая с зеленого камыша зазевавшихся букашек. Коровы жадно набросились на траву и, долго задерживаясь на одном месте, давали возможность мне отдыхать и любоваться красотой окружающего. Сначала мне казалось, что быть пастухом очень легко и я рад был, что временно избавился от молотьбы.

В самый полдень, когда солнце стояло над головой и немилосердно жгло яркими лучами и без того сухую землю, я перешел со стадом через полотно железной дороги и, поднявшись на верхний участок, где протекал ручеек и стояла деревянная колода для водопоя, расположился на отдых.

Изнывая от жары, отмахиваясь от назойливых мух, коровы залегли около ручья, выискивая теневую полоску среди жалких ракит. Несколько молодых и беспокойных пытались продолжать свой путь дальше, выбирая лучшую травку, залезая подчас в кукурузу, или в баштан. Приходилось вскакивать, кричать, бежать за непослушными и загонять к стаду. Но палящие лучи смирили и более ненасытных. Залегли все... Пересчитал. Одна, две, три... восемнадцать. Все на лицо. Со спокойной душей лег и я, положив голову под камень, уподобляясь библейскому Иакову, но вспомнил, что есть хлеб в сумке, сорвал спелую ароматную дыню, закусил и покуривая папироску, начал размышлять о нашем горьком житье-бытье.

„Превратность судьбы“ думал я. „Как это ни странно, а я пастух! Ведь если бы сказали мне раньше в дни юнкерской беззаботной жизни, что после войны придется быть пастухом в Турции, так разве я не принял бы это за злую неуместную шутку? Даже в плену, как офицер не удостоился бы такого „высокого“ звания. Пастух... От великого до смешного один шаг. Еще не так давно я командовал казачьим полком, совершал лихие дела, а теперь вот командую восемнадцатью бессловесными скотинками и за кусок хлеба, раздирая голые ноги по колючей траве, изнывая от жары, зорко слежу, чтобы мои вновь подчиненные не разбежались по горам и долам. Жалкая, горькая судьба... какие резкие скачки она делает... а ведь, быть может, скоро опять выбросит наверх, чтобы дать потешиться немного и затем с злым, страшным смехом снова кинуть в пучину страданий, житейской скорби и невзгод. И так всю жизнь и счастье и горе, как два неразлучных спутника, следуют по пятам человеческим“.

Стук молотилки разносился по окрестности, перескакивая с горки на горку, и зарывался где то в ущелье. Работа на току шла полным ходом, а я лежал и охранял стадо. Клонило ко сну... Веки смежались... От жары начинала болеть голова — виски наливались тяжелым свинцом... На лбу выступил пот. Хотелось взглянуть на стадо, пересчитать еще раз, но не было сил поднять голову. Достал из кармана носовой платок, накрыл лицо, чтобы не так сильно жгло солнце и, недовольный на злодейку судьбу за ее превратности, задремал...

Приснилось мне, что я в корпусе сижу на экзамене по истории, в кадетском бушлате, но такой же вот взрослый, как и теперь... Один за другим бравые, немного волнующиеся кадеты, подходят к столу, отвечают на вопросы экзаменаторов и, довольные своими ответами, садятся на парту, шушукаются, улыбаются, делятся пережитыми чувствами. Дошла очередь и до меня. Я лихо подошел к столу, и свысока посмотрел на всех сидящих за ним...

Спросили меня, чем кончилась Русско-Турецкая война 1878 года.

— Конечно миром, как и всякая война! — гордо ответил я.

— Каким миром?

— Сан-Стефанским!

Последовал еще ряд вопросов и потом на белых экзаменационных листах с бледно-синими клеточками запрыгали преподавательские карандаши... По дрожанию рук я определил двухзначные цифры... Самое меньшее десять балов... Вне себя от радости круто повернулся, чтобы идти на свое место.

— А где находится Сан-Стефано? — послышался вдруг мягкий бархатный голос инспектора классов.

— В Америке! — ответил я не задумываясь ни минуты.

— Как, в Америке? Да ведь война то была с кем? С Турцией?!

„Поймать думает!“ мелькнуло в голове.

„Была война с Японией, а мир заключили в Порт-Смуте, а Порт-Смут в Америке. Сан-Стефано...“

— В Америке!! — настойчиво повторял я.

Инспектор классов нервно заерзал в кресле.

— Вы с'ума сошли? Сан-Стефано в Америке! Ха! Ха! Ха!

— Никак нет, Сан-Франциско в Америке!

— А я вас спрашиваю про Сан-Стефано!..

Весь класс засмеялся. Всем сделалось весело. Под общий хохот направился к парте. Даже инспектор сменил гнев на милость — через очки посмотрел мне в след, улыбнулся.

И после этого сразу же все пропало. Я оглянулся кругом. Никого... Класс пустой... „Что за история? — думалось мне, — неужели экзамен кончился и все кадеты ушли в столовую, а я заснул здесь на парте? Ну, конечно, так и есть! Дежурный ищет, кричит... хватились за столом, нет...“

И действительно, шум и крик становился все ближе и ближе. Я поднял голову, мокрую от пота, тяжелую от сна и солнца. Очнулся, про коров вспомнил. Страшно стало... Четыре, пять возле меня лежали, а остальные разбрелись. Взглянул я вниз, где полотно железной дороги и откуда крик доносился, а там столпотворение Вавилонское: толпа народу, шум, суета и поезд пассажирский почему то стоял, гордо выбрасывая клубы белого пара в небесную лазурь...

С экономии бежали люди... „Господи! — думал я — неужели несчастье?!“ Побежал и я туда узнать в чем дело, забыл и про стадо. Подбежал ближе, запыхался весь, рубашка к телу прилипла, от пота мокрый сделался, а сердце так стучало и колотилось, что становилось трудно дышать...

„Неужели зарезало кого нибудь? — пронеслось в мыслях, — но кого же, Бог мой? Может быть тот стрелочник, что утром путь осматривал?“ Мрачные предположения тревожно копошились в больной голове.

Растолкал я толпу, протискался кое-как к паровозу, и что-ж увидел?.. коровенка бурая с белой лысинкой на голове, лежит под колесами вся в крови, разбросав вокруг себя серые ленты внутренностей. Почти пополам перехватило. Машинист в красной феске кричал больше всех, очевидно старался доказать свою невиновность; какой то чиновник, — вероятно начальник поезда, или обер-кондуктор, — в черной тужурке с металическими пуговицами, с серьезным видом составлял протокол, любопытные зеваки охали и вздыхали, оглашая воздух никому ненужными суждениями.

Я побежал назад, собирать своих коров в кучу, а и в мыслях не было, что коровенка то бурая из моего стада погибла. Собрал... Ноги в кровь разодрал по колючкам, считать стал... Одна, две, три... семнадцать... не хватало одной. Снова считать стал, в глазах рябит — это бывает иногда при головной боли — пальцем указательным в воздухе тыкал и опять насчитал семнадцать. Кругом поглядел, не залезла ли в кукурузу, нет... Вот тогда уж я и сообразил, что это надо мной беда стряслась и что я во всем виноват: и корову потерял, и поезд задержал, и хозяина огорчил — в убыток ввел.

„Доверили стадо, — ругал я себя, — проспал, вот теперь и расхлебывай...

Подскочил хозяин, сердитый, ощетинился и, так страшно замахал руками, что я невольно весь с'ежился. Думал, что бить будет. По русски уж и не говорил, все по турецки лопотал что то. Кончил ругаться, махнул рукой, плюнул на меня, на Константинополь показал, иди, дескать, на все четыре стороны...

Зашел я в сарай, где спали, мешок с барахлишком взял, с казаками простился, хлеба и денег на дорогу

получил, — казак казака в беде не оставляет, — и поздним вечером тронулся в путь-дорожку искать новой работы, нового счастья...

— Иды, козаче, погадаю, — долетел до моего слуха звонкий голос молодой цыганки, — судьбу узнаешь...

Прохладный ветерок, гулявший по долине, освежил разгоряченный мозг и успокоил расходившиеся нервы. Верста за верстой оставались позади, а я все шел и шел вперед, не замечая усталости, и лишь под утро, когда на востоке забрезжил свет, в бессильи свалился у городской стены...

„Превратность судьбы, — ее капризы, ее шалости".

Алексей Персидсков.
(Брно).

ДОН — ДНЕПРУ.

Ой, ты, гой еси, тихострунный Днепр,
Богатырь степной, завороженный!
Ты послушай мой стародавний спев,
Стародавний спев в плену сложенный.

Как бывало, Днепр, в море Черное
Мы текли с тобой, извиваючись
По степям змеей и озерами,
В басурманский край пробиваючись.

Как бывало мы, казаков лихих
Вниз, в туретчину, погулять несли
И в тревоги час в камышах своих
Не единого от стрелы спасли.

Как бывало, Днепр, мы свободными
Разговор вели с паном северным,
И с притоками многоводными
Пировали в царском тереме.

Как бывало мы, реки вольные,
Замутив волной, с Москвой дралися
И в туретчине мы над кольями
Вместе досыта насмехалися.

Как бывало мы во стране чужой
Жили братьями неразлучными,
И в сполошный час зачинали бой
За казачества долю лучшую

Так и здесь, теперь, будем вместе течь, —
Прибивать волной к свому берегу,
На врагов точить богатырский меч,
Угрожать борьбой старцу Северу.

Константин Поляков.
(Брно)

СТЕПЯМ.

Много песен про Вас певали,
И с горячей молитвой Христу, —
Для Вас они жили, за Вас умирали
На славном казачьем посту.

Как много их было, могучих и сильных
На стройных игривых конях...
И даже холмов не осталось могильных
И ветер не плачет в крестах.

Дремучие — старые, безусых и юных,
Настойчиво, прямо на верном пути,
Днем светлым и ясным, иль ноченькой лунной
Учили рубиться на вражьей груди.

Так где же они? Ведь их было так много.
Над ними земля и звенящий ковыль,
Но имя их славой бессмертной и строгой
Смахнуло страниц исторических пыль.

Читая с листов, пожелтевших от времени,
Я вижу, я слышу героев отцов,
Их клич боевой, лязг бряцавшего стремени,
Огнем зажигают остывшую кровь.

Земля! Ты их скрыла, могучих и сильных,
Верни их нам — старых, иль новых роди!
Но, даже холмов не осталось могильных
И ветер попрежнему плачет в степи.

О тех, что унылые песни певали,
С горячей молитвой Христу
В степях обитали, за них умирали
На славном казачьем посту.

Борис Кундрюцков. *(Белград).*

Пьяница

(Из степных эскизов).

. . . . . .

— Дурак ты, ну и дурак... кричали кругом казаки.

Одни кивали головами, как бы сокрушенно, другие всматривались с любопытством, окидывая худого, смуглого казака, в латаных, выгоревших и полинявших шароварах, в вытертой, паршивой папашенке, тем понимающим взглядом, в котором светится и собственное превосходство и всесокрушающая жалость.

Одни вслушивались в то, что говорил казак, другие кричали:

— Замолчи... и, замолчи, черты тебя ешь...

Казак, сидя на лавке, качался из стороны в сторону и гудел:

— Гу-у... Все помрем... гу-у... Чево волноваться?.. Выпил, и все отошло... На все смотришь издалека вроде... На ндравитца наше Москве... Исть хочет... Пушшай... Я сам двох любил — черную и белую... бабы-ы...

Дык то — бабы-ы, а то Петр Великай... Росту он — во-о...

— Молч-и, молчи... кричали кругом...

— Войной на них...

— Би-ить...

— Гу-у... Гу-у, гудел казак и качался. Я тоже двох любил... Лез на ражон...

— Што за сволочь?.. вскочил вдруг плотный казак с красным, кирпичного цвета лицом и рыжей бородой... На нем был темно-малиновый чекмень с серебрянным позументом, шаровары были убраны в низкие, подкованные гвоздями сапоги, с кожанными отворотами, и кривая татарская шашка.

Кругом все стихло.

Вставший был Атаманом Есауловского городка. Подошел к казаку, тяжело ступая грубыми сапогами.

— Ты што?

Гудевший из-подлобья взглянул на Некрасова и потом, опустив глаза на его четырехугольные, загнутые от ходьбы немного кверху носки, тихо спросил:

— Я?

— Да — ты...

— Я — нечего... Я — им!.. Што-ж... Присоединиться к Булавину завсегда успеем, а вот перед тем как решиться...

Треск пощечины раздался в курене.

Некрасов побагровел... Казак-же, уцепившись руками за лавку, качался из стороны в сторону. Щека его темнела, наливаясь подступившей кровью.

Все молчали...

У атамана дрожали опущенные книзу и сжатые в кулаки руки... Он медленно обвел всех налившимися кровью глазами. В курене была половина староверов, их светившиеся глаза одобрили, казалось, поступок; другие, сидели, опустив головы.

Тишина, как плотная материя, окутала присутствующих...

И разорвал ее Игнат словами Булавинского письма:

— Всем казакам стать и умереть за одно...

И опять затих...

Под образами старого письма дед Матвей поник головой...

Повернули все лица к двери. Распахнулась она, пустив в курень солнце и заиграли в солнечном луче золотые пылинки. На пороге стоял казак. Сверкнула искрой медная серьга в ухе. В руках письмо. В устах — спутанные волнением бешеной скачки и обрубленные частым дыханием — слова:

— У Царицына... бьют... наш... помощь...

Гремели кованными сапогами, выходили из куреня... Бежали к своим домам.

Крутились на месте вспуганные, шлепавшимися на их спины седлами, степные кони.

Некрасов бегло читает письмо. Не кончив, выходит сам.

И идут переход за переходом По пути растут казачьи ряды, будто катится с горы снежный ком.

А за две версты сзади скачет охлюпкой казак... Худой высокий и смуглый... Темнеет правая щека... Гудит казак коню.

— Гу-у... Несись... Несись...

В рать, одетую в темно-зеленые кафтаны с красными отворотами, с золотыми. расплющенными государственным гербом пуговицами, косым углом ворвались казаки.

— Стать и умереть за одно!..

Некрасов колет шашкой — подался вперед... Некрасов откинулся назад и зацепил концом острого клинка другого... Забылся Некрасов в жарком бою... а шепчет:

— Стать и умереть...

Вот плечистый петровский солдат бросил ружье и закрыл глаза руками, рот с бритым подбородком кривится, кривится...

Игнат стебанул по рукам.

— Стыдно стало?

И пошел вперед и не видел, как дед Матвей, вытянув шею, падал с коня, бородой в землю.

Солдаты сбились кучей у двух офицеров с белыми широкими портупеями: выхвачены тесаки, стреляют длинные семипядные ружья...

Некрасова конь боком, боком косит, метет хвостом, роняет розовую пену... Кричит Некрасов насмешливо:

— Того-ль мы заслужили у батюшки царя?

И полетел на них коршуном...

Почти в упор темные дырки дул... Целятся в него

— Стать и умереть за одно...

Кто то, предупреждая грохочущий залп, в дыму выстрелов падает перед Игнатом на круп своего коня... Какой-то казак... Свалился на землю.

А казаки уже рассеяли врагов... Некрасов подскакал к своему спасителю. В луже крови, с разорванной пулями грудью, валялся тот на выжженной солнцем траве.

— Ты? крикнул Игнат и осекся.

Казак, перевернувшись на живот, гудел в землю, не глядя на атамана.

— Пьяница — я... Гу-у... Ну и пьяница-ж. Выпьешь, жизнь все одно, что ... издалека... Все помрем... Што-ж? Я сам любил двох — чернявую и светлую... а иде о-они?

••••••••••••••••

Микола Оверкович.
(*Прага*).

У ВЕЛИКІ ДНІ.

І. У Велику П'ятницю.

Христос лежить в божественній труні...
Ридає хор невтішних херувимів,
І гурт сумних крилатих серафимів
В скорботі ллє жалобнії пісні.
Погасло сонце... в хмарах небеса...
У храмі тріснула священная завіса...
І гнівом гуркнули кедровії ліса,
Схилилися тужливо кипариси;
Тремтить Сион, похмурились поля —
В жалобу грізную повилася земля...

Мій рідний край в руїнах і багні,
Потоптаний ворожою ногою,
Повитий тугою смертельною, німою,
Також лежить безсилим у труні,
І при святому гробі на сторожі
Стоять кати кровавії, ворожі,
І пильне око їх чатує і не спить,
Жорстокая рука ганебний бич держить...
А все і все й навколо й скрізь мовчить.

О, Земле, земле, гнівом затрусись!
Подай печалі знак, одкликнись, як колись!
Знов плачте небеса! У нас нема вже сльоз
Над втратою найбільшою ридати...
О, плач, всесвіт: в моїм краю розпятий
Гнобителем, удруге вмер Христос...

ІІ. У Велику Неділю.

Страждав і вмер, і у труні лежав,
І в третий день, як мовили пророки,
Живого Бога Син побідно з мертвих встав:
Одвічний Дух життя могильний смерк здолав
І сяйвом обілляв скорботний світ широкий...

Так не умре й великий нарід мій!
Хоч ще тепер у сутінках могили.
Ховає він свої мовчазні сили,
Хоч ще лежить у ланцях і німий —
Та вдарить час так довго жданий, милий,
І встане Велетень могутний і живий...

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Олександер Півень (М. Забігайло).
(*Югославія*).

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Як тихо надворі у ніч Великодню;
Як зіроньки сяють во славу Господню;
І небо й земля у цю ніч затихає, —
Великого Празника все дожидає;
І вірять всі люде в те чудо з чудес;
„Христос воскрес! Христос воскрес!“
Не сплять цілу ніч православні християне;
На дзвін ще з півночі ідуть всі миряне;
Ограда кругом уже повна пасками,
І радісно всім, і горить все свічками,
А в церкві возносять хвалу до небес:
„Христос воскрес! Христос воскрес!“
Коли ж загуде, мов би грім той, дзвіниця,
Затьохкає в серці, просвітяться лиця;
І вийдуть попи в златних ризах з хрестами,
Освятять водою ту страву з пасками;
А дзвони мов кажуть із самих небес:
„Христос воскрес! Христос воскрес!“
Ідуть всі миряне із Божого Дому, —
Усяк поспішає з пасками додому:
Там жде їх сімейство і діти маленькі,
Що дуже червоним яєчкам раденькі;
І скаже дитина, мов янгол з небес:
„Христос воскрес! Христос воскрес!“
Радіють на Паску християнські народи;
Давно вже минулись воєнні незгоди;
Гудуть та тризвонять церковнії дзвони,
На вікнах паски та яєчка червоні;
І радісно всюди мир каже увесь:
„Христос воскрес! Христос воскрес!“
Одни тільки ми скрізь по світу блукаєм
І радости в серці на празник не маєм;
Втеряли ми в Бога і милость, і ласку:
Немає за що нам зустріть Святу Паску;
Лиш серце тихесенько шепче нам днесь:
Христос воскрес! Христос воскрес;“
Давайте ж кріпку ми надію держати,
Що скоро воскресне й Кубань — наша Мати;
І верне Господь свою милость і ласку:
Справлять будем дома усі Святу Паску;
Тоді вознесем ми хвалу до небес:
„Христос воскрес! Христос воскрес!“

Л. Троцкий о советских делах и перспективах.

Бывший кандидат в московские Бонапарты, — волею Сталина очутившись за пределами большевицкого „фатерлянда“, — предался усиленной публицистической деятельности и, пребывая ныне в Константинополе, занимается массовым производством статей для наиболее „капиталистических“ журналов „буржуазной“ Европы и Америки.

Понятно, что это не может нравиться Кремлю и очень огорчает комсомольскую братию, которая в бесчисленных резолюциях — предает публичной „анафеме“ бывшего „героя большевицкой революции“, упрекая его в смертных, „антиреволюционных“ грехах.

Советская администрация усиленно очищает СССР — от каких бы то ни было „воспоминаний“ о Л. Троцком, тщательно изгоняя его фамилию из номенклатуры большевицкого географического лексикона, а его портреты — из „присутственных учреждений“ теперь фактически Сталистана.

Все это, конечно, понятно, но, думаем, не вполне достаточно. Своей журналистической деятельностью за пределами красной родины Троцкий показал себя таким „изменником революции“, что можно было бы рекомендовать более энергичные мероприятия для искоренения памяти — о нем в богоспасаемой СССР.

Напр., генеральную чистку русского языка вообще, с целью из'ятия из него всех слов с корнем т р о, или, в крайнем случае, заменою его на более благозвучный, а, главное, более соответствующий „духу времени“ корень с т а.

Будем надеяться, что комсомолы примут к сведению это предложение и внесут соответствующее, революционно мотивированное предложение в Петроградскую Академию Наук, демонстрируя таким образом свои верноподданнические чувства к господствующему политическому курсу, возглавляемому „непогрешимым“ ныне большевицким папою — Сталиным.

А пока что, — мы можем заняться слегка публицистическим творчеством Л. Троцкого.

Во второй половине апреля он поместил в пражской газете „Чешское Слово“ (от 18 и 20 IV) — две довольно большие статьи;

1) Куда ведет советская революция?

2) Вероятна-ли метаморфоза (превращение) советов в парламентскую демократию?

Первому вопросу автор посвящает целый труд, который он начал писать еще в своем заточении в Альма-Ата и заканчивает в заграничном изгнании.

Это будет „социалистический анализ русской революции“ вообще, а в частности в последней, т. е. большевицкой ее фазе, с целью ответить на следующие злободневные вопросы:

— „Верно-ли, что русская революция приближается к ликвидации? Исчерпаны-ли уже внутренние ее силы? Что будет потом? Демократия? Диктатура? Реставрация монархии?“

По мнению Троцкого, все три русские революции, начиная с октябрьской 1905 г., через февральскую 1917 и кончая снова октябрьским переворотом 1917 г., — органически обязаны и взаимно обусловлены. Большевицкий переворот,

поэтому, не случайность, а историческая необходимость.

В свою очередь и в большевицкой фазе русской революции можно отметить два периода: первый и начальный — боевой и массовый по своему характеру; второй и последующий — с очевидным упадком массового воодушевления и преобладания бюрократического фактора. Это — отлив революции. Вот как характеризует его Троцкий.

„Советское государство, как и армия, становятся бюрократическими... Расстояние между управляющим центром и массами увеличивается. Государственный аппарат приобретает все более характер „самоцели". Чиновник все более убеждается в том, что октябрьская революция была совершена именно для того, чтобы власть была сосредоточена в его руках и чтобы она гарантировала ему привилегированное положение..."

Можно, пожалуй, согласиться с такою характеристикою настоящего советского режима; ибо она попадает как раз „не в бровь, а в глаз".

Историческим Рубиконом в жизни СССР был 1923 г., когда произошла известная реконструкция компартии. Эта попытка „омоложения" ее оказалась так же несостоятельной, как неудачны и опыты Штайнаха или Воронова превратить слюнявых старичков в молодых любвеобильных Дон-Жуанов. Вот что говорит по этому поводу знающий, конечно, истинное положение вещей Троцкий:

„В начале 1923 г. партия превратилась в полуаморфную массу, предназначенную для того, чтобы стать пластическою глиною в руках профессионалов государственного аппарата..."

„Надо тоже упомянуть о том, говорит он одною фразою ниже, что случаи произвола и деспотизма увеличивались вследствие бюрократизации государственной системы и партии..."

Советский чиновнический аппарат Троцкому определенно не нравится. По крайней мере он дает ему следующую малолестную характеристику:

— „Чиновники, которые выкарабкались выше масс, в большинстве случаев консервативны. Они склонны к тому мнению, что все, что необходимо для человеческого счастья — уже было достигнуто и что всякий, кто не согласен с этой аксиомою, является в их глазах врагом...", понятно — добавим мы — социальной и мировой революции...

Немного непонятно, почему Троцкого так удивляет такая эволюция большевицких чиновников?! По нашему скромному мнению, она традиционно стильна. Достаточно вспомнить блаженной памяти царскую аракчеевщину, чтобы видеть в этом проявление исконного русского бюрократического стиля, с его классическим девизом: — „держи и не пущай".

Нам кажется, что независимо от политической окраски московского правительства (полагаем, что тут допустимы комбинации не только из белого, красного и черного цвета, но вообще мыслимы все цвета радуги, до ультра фиолетового включительно), русская бюрократия, мягко выражаясь, всегда будет „консервативна", а поэтому на обыкновенного обывателя будет смотреть с высоты американского „небоскреба" и, естественно, будет третировать его en canaille.

Конечно, Сталин тут не при чем. При Николае I и Александре III — было тоже, хотя, впрочем, не всегда так безнадежно скверно.

Много места в своей первой статье Троцкий уделяет злободневному вопросу термидора вообще, а в частности — возможности русского 9 термидора.

Вообще он того мнения, что термидор возможен во всякой победоносной революции.

— „Будущая судьба революции, пишет в конце первой своей статьи Троцкий, будет решаться настоящим развитием борьбы живых сил общества. Прилив и отлив всегда чередуются; их продолжительность будет зависеть в значительной мере от европейских и мировых событий".

Что касается демократии, то Троцкий определенно пессимист и не верит в ее будущее: „Демократические учреждения показали, что не могут выдержать давления современных противоречий и конфликтов, которые бывают то международные, то внутренние, а иногда и одновременно — международные и внутренние. Хорошо-ли это или плохо? Во всяком случае это факт..."

Демократия — это XIX ст.; диктатура — это XX ст. Автор поэтому не верит в возможность превращения СССР в парламентскую демократию, или, говоря собственными его словами: „такое превращение является совершенно невозможным".

Он констатирует недовольство масс современным положением в СССР. Но их ненависть к старой России — значительно превышает это недовольство. И это, по его мнению, „огромная, хотя и отрицательная сила советской России".

Словом, по отношению к СССР, несмотря на весь свой критицизм к сталинской политике, Троцкий оптимист. Правда, в одном месте он, перефразируя известный афоризм Наполеона, говорит: Россия будет или советская, или бонапартистическая". Но, немного ниже радужно заявляет: „мы исходим из доверия в огромные фонды и запасы советской схемы".

Мы изложили здесь взгляды Троцкого на жизненные проблеммы и перспективы СССР. Они подчас интересны, но не всегда убедительны, ибо автор сплошь и рядом сбивается с об'ективного пути социологии, чтобы очутиться в дебрях своей „революционной романтики". К критике его взглядов на советы и большевизм — мы вернемся в свое время, когда появится обещанная им книга о судьбах советской революции.

••••••••••••••••

Всем своим сотрудникам, читателям и всем нашим братьям „т а м“ сущим Редакция „В. К.“ посылает

Христос Воскресе!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Гордые инициаторы „Вольного Казачества“!

Христос Воскресе!

Родные его соратники, — сотрудники смело вытягивающие Казачье Знамя Свободы из-под „белых“, „красных“, „царских“ и других заплесневевших „русских знамен“....

Христос Воскресе!

Христиански веря в Его святое, десятое зарубежное Воскресение, Вольное Казачество крепнет в своей, собственной, казачьей силе и в своем твердом казачьем сознании.

— За честь отчизны, за казачье имя кипит, волнуется, шумит Седой наш Дон, — Родимый Край“.

Христос Воскресе!

Вольно и гордо — Знамя Казачье!

Долг наш, долг казаков воскресить его, памятуя, — „но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш Батюшка: Басурманину он не кланялся, у Москвы, как жить, не спрашивался...“

Наш казачий, священный долг безоговорочно следовать своим собственным казачьим заветам, ибо заветы эти, много раз проверенные на казачьей шкуре, гарантируют нам торную и верную дорогу, нашу казачью дорогу...

У нас, у казаков есть свой собственный символ веры. И символ веры этот есть — наша любовь к нашим Родным Краям. — „Тебя люблю, Родимый Край...“

Возлюбим же наши Родные Края „до единомыслия“, и все чужие „политические“ зарубежные „программы“ растают, как тает, „воск от лица огня“. Растают вместе с самими „политиканами“, которые расточатся, как расточаются „врази Его...“

Христос Воскресе, дорогие станичники!..

В. Елисеев (В. Петров).

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Союз Вольн. Казачества, положивший первый камень казачьей независимости, и тех казаков-мучеников, что стонут в красной неволе, поздравляю с праздником Светлого Христова Воскресения.

Христос Воскресе!

Братья, В. К., пускай сей великий день, — день, в который Христос восстал из мертвых, рассеял стражу, поколебал землю, сокрушил врата ада и освободил невинных, пускай он будет залогом наших упований, счастья, укреплением веры и надежд в достижение тех целей, о которых тоскует казачья душа.

Одним языком, одними устами и духом мысли будем братья, и добрые сеятели, и собиратели рассеянного Казачества. Веруйте, разрушатся гробы...

П. Кудинов.

В. Карый.

Правда побеждает.

Та непримиримая злоба, возмущение, даже презрение, какие проявляют русские или вернее великороссы относительно представителей народностей, имеющих волю к самоопределению, невольно вызывает у людей привыкших разбираться во взаимоотношениях, тревожные вопросы: за что, почему? У людей менее решительных эти отношения нередко отнимают способность свободно мыслить и высказываться. Такие громкие слова, как „сепаратизм“, „мазепинство“, „измена“, „продажность“ не перестают пугать людей в сущности честных, но неосвободившихся из тенет казенного способа мышления, внушенного школами и общественным воспитанием в б. России. С другой стороны хитрая приманка в виде „общерусской культуры“, которая якобы не является плодом и достоянием Великороссии только, а всех народов, населявших бывшую Россию, вводит многих в заблуждение, а истерические выкрики некоторых: „Россия прежде всего!“, „Россия выше всего!“ создают для людей неосведомленных о истинном положении вещей в СССР, впечатление стихийного взрыва общерусского патриотизма. Не говоря уже о тех измученных скитаниями за границей, изуверенных во всем и только жаждущих хоть некоторое время еще пожить мирно, спокойно, не думая с мучительной тревогой о завтрашнем дне, нельзя обойти молчанием тех, которые хотя в глубине души сочувствуют нашему делу и по зрелом обсуждении пришли к выводу о необходимости достижения самостоятельности для наших народов, однако страх перед опасностью риска, возможностью неудачи удерживают их от деятельного присоединения к освободительному движению. Постараемся в этих вопросах и основанных на них мыслях разобраться.

Из чего возникает и на чем основывается ненависть великороссов к представителям народов, стремящихся к политическому освобождению? Ведь народы эти не собираются причинять Великороссии никакого

зла: не думают отбирать от Великороссии что либо, принадлежащее ей, ни нарушать ее права, ни ослаблять ее силу. Где же причины ненависти? Очевидно великороссы так не думают, как народы, ищущие освобождения, имеют иное представление об их стремлениях, иначе их оценивают. Да, они привыкли отождествлять Россию с Великороссией, считать земли, населенные иными народностями, находившиеся в границах бывшей России, своими; привыкли в этих народностях видеть полукрепостных, полуданников, привыкли их народные богатства считать своим достоянием, убедили себя, что без них Великороссия не в состоянии существовать и всякое покушение на них со стороны действительных собственников с глубоким убеждением рассматривают, как нарушение их прав, чуть-ли не грабеж. Вот с таким точно убеждением каждый, незаконно присвоивший чужое добро, по истечении известного срока после правонарушения, отстаивает свою добычу против собственника намеревающегося восстановить свои права. Человек интеллигентный, имеющий некоторую долю честности должен бы был это признать и со справедливостью этого суждения согласиться. Не отнимая у великороссов ни их интеллигентности, ни их честности, мы снова становимся в тупик, отчего же они сердятся. А сердятся они оттого, что сознают свою неправоту, сознают отчасти свое бессилие. Будь бы это времена Плеве, Столыпина, они бы не сердились. Одни из них бы просто послали на места карательные отряды и следователей особого назначения для ликвидации „бунта“, а другие на словах может быть даже сочувствовали бы ликвидируемым и проливали потоки крокодильих слез. Но здесь ни карательных отрядов, ни следователей по особо важным делам нет, „бунтовщики“ открыто высказываются, имеют даже свои газеты, и кто-то им, если не материально, то хоть морально сочувствует и помогает, — как же тут и тем и другим не сердиться, не метать громы и молнии, не обещать бичи и скорпионы, не искать путей к сближению с кем угодно даже, если можно, и с большевиками против этих „бунтовщиков“. Все ж большевики со своим централизмом как то ближе и может не так долговечны, как намечающиеся союзы „инородцев“. Гнев в преобладающем большинстве случаев есть следствием сознания неправоты или, повторяем, бессилия. Есть, конечно, гнев справедливого возмущения, гнев Христа против торговцев во храме Иерусалимском, но этот гнев далек от возможности сравнения его с гневом бывших крепостников.

Такая ненависть и озлобление последних не должны страшить людей, опирающихся на право и справедливость, так как гнев плохой советник, всегда приводит к необдуманным и редко когда полезным для гневающегося поступкам. Из, двух борющихся сторон выигрывает та, которая дольше сохранит спокойствие, спокойствие же поддерживается сознанием правоты, справедливости защищаемого дела и уверенности в своих силах. Такое сознание есть и должно быть у нас, ибо ни право человеческое, ни право божеское не может отказать нам в справедливости наших стремлений. Сила духа, сила убеждения родит энергию, смелость и отвагу. Вспомните маленькую по сравнению с русским колоссом Финляндию. Могли ее победить, уничтожить ее культуру русские культуртрегеры? Нет, на это у них не было достаточно сил, ибо сила духа была на стороне маленькой Финляндии. Не говоря уже о бесправии и несправедливости, которую совершила когда то Москва против нас, лишив нас свободы и подчинив своему, несвойственному нам образу управления, и которое продолжалось до падения царской власти, нам достаточно разобраться в настоящем положении вещей.

До сих пор мы терпели и не подымали голоса о своем освобождении, но теперь, когда скверный монгольско-европейский режим довел нас до неслыханного краха, до ужасного бедствия для наших народов, что остается нам сказать, как не: „Довольно. Теперь мы сами позаботимся о своей судьбе. Сами будем защищать и охранять свои права без вашей опеки. Если же вы будете на нас нападать, мы будем всеми силами защищаться“. А право самозащита, не есть ли самое справедливое, самое естественное? Оно возникло из законов природы законов охранения рода и вида и освящено заканами земными и небесными. Ведь только в русском кодексе самозащита признавалась обстоятельством, смягчающим вину или освобождающим от наказания. Между тем как в иных законодательствах и правилах нравственных, особенно в английском, самозащита признается не только правом но, и долгом каждого гражданина, признаком мужества и общественной доблести. Непротивление злу, являющееся идеологией философа Толстого, основанное на словах евангелия, представляется пока недостижимым и совершенно к жизни неприложимым, ибо при современном положении вещей равнялось бы нравственному и физическому самоубийству.

Не приходится говорить ни о какой измене или продажности, так как мы никому не изменяли и никого и ничего не продавали. Те государственно-правовые отношения, какие существовали в царской России были плодом насилия и угнетения. Но, если бы путем какой либо софистики и можно было доказать их „юридическую“ силу, то она потерялась с падением государственной монархической власти. Дальнейшей последовательности или наследственности власти не существует. Для того, чтобы ее найти, надо было бы большевицкую государственность, на это пока великороссы в изгнании не решаются, а если бы и решились, то ведь у большевиков России как одного государственного целого (на бумаге по крайней мере) не существует, а есть союз республик, основанный на принципе „самоопределения вплоть до отделения“, Каков этот союз по существу пока умолчим, но форма такого государственного устройства есть действительностью.

Многие великороссы ссылаются на то, что вопрос самоопределения и отделения от прежнего государственного целого принадлежит компетенции народа в его целом и предлагают разрешение этого вопроса плебисцитом, то есть всенародным голосованием почему то при участии и великороссов. Зная численное соотношение, можно бы было не сомневаться в результатах такого голосования.

Нельзя обойти молчанием также вопрос о федерации народов, населявших бывшую Россию с Великороссией, неопределенно пока предлагаемой некоторыми демократическими кругами великороссийской эмиграции. Прежде всего кажется странным, почему после падения царизма, когда была провозглашена политическая свобода для всех граждан России, почему тогда правители новорожденной республики не предлагали нам федерации. Потому, очевидно, что не находили это для себя выгодным, потому что хотели продолжать национальную политику своих предшественников, а теперь, когда наши народы проявили волю к самоопределению, предложение федерации есть уступкой вынужденной необходимостью из двух зол выбирать меньшее. Кроме того и главным образом в этом видно стремление к сохранению правовых начал в наших взаимоотношениях с Москвой, которые бы в будущем послужили исходным пунктом для дальнейшего закрепощения наших народов, по мнению Москвы — восстановление ее прав. Пока нас не разделяют государственные границы, каждая наша временная слабость, каждая ошибка наших правительств будет использована Великороссией для усиления нажима на нас, для покушения на нашу свободу. Мудра пословица: „коготок увяз, всей птичке пропасть“. Возможна и необходима для нас федерация, но пока только с родственными, близкими народами, например: федерация казачьих народов, федерация кавказских народов, союз этих народов с Украиной и Белоруссией. А с Великороссией надо обождать, пока перебродит и отстоится в ней закваска старого империализма.

Для кого же в сущности нужна, как единая неделимая, так и федерация под главенством Москвы? Единственно и исключительно для великороссов, ведь не найдется ни один даже чудак великорос, который бы хотел отделяться от нас, для их капиталистов особенно, политику которых относительно наших земель только в более невежественных формах и во имя иных как будто интересов продолжают великорусские же большевики. Великорусскому промышленнику нужны от нас

дешевое сырье, дешевый хлеб, а также рынок, на котором бы он командовал и взамен нам продал сравнительно дорогие предметы своего производства. Тогда как наши интересы диаметрально противоположны интересам чужого капиталиста (все равно: „буржуя", непмана или внешторга): нам надо по возможности дороже продать наше сырье и по возможности дешевле купить предметы чужого производства, а также самим для себя установить выгодные пошлины и тарифы. Далее все подати, налоги и пошлины государственного характера Москва желает стянуть отовсюду в свою казну взамен за сомнительные блага ввиде своей служилой интеллигенции, посылаемой на окраины, т. е. к нам для забот о „благосостоянии" наших народов.

Есть еще часть людей, и довольно значительная, которые может и искренно заблуждаются. С детства напичканы они представлениями о грандиозности и высокой идейности „нашего отечества". Эти заблужденные до сих пор не видят, что никакой то грандиозности и величия в сущности и не было, а был грубо отесанный колосс на глинянных ногах, как говорили о „нашем отечестве" за границей, который на наших глазах страшно зашатался и чуть не упал от толчка со стороны совсем не громоздких и не великих японцев и который рассыпался от удара великих событий Мировой войны.

А теперь, когда виной петербургского правительтельства мы без какой либо нашей вины дошли до падения, какого не переживал ни один цивилизованный народ, должны ли мы снова отдать свои силы, свои народные богатства, плоды своих трудов на то, чтобы помочь оправиться тем, кто потом еще более „удобно" сядет нам на шею. Не было ли бы более справедливым со стороны Великороссии дать оправиться каждому из народов самостоятельно, оправиться самой и потом уж предлагать: „не угодно ли Вам, господа, совместно с нами продолжать путь на нашей старой тройке", а не назойливо тащить полуживых пассажиров в разломаный, разбитый экипаж несомый необузданной тройкой к новым катастрофам. Бедный Гоголь, ожидал-ли ты такого конца своей тройки!

Заботы о том, что малые государства могут попасть под влияние иных государств, не сумеют сохранить свою независимость, что у нас недостаточно культурных сил для создания жизнеспособного государства, что наши богатства эксплоатируемые до сих пор великороссами или теми, кому они это право предоставили, станут предметом эксплоатации представителей иных народов, касаются только нас самих и мы сумеем этих опасностей избежать. Великороссии мы не отказываем ни в нашей пшенице, ни в наших угле, железе и нефти, но государственный доход с этих предметов промышленности употребим по справедливости исключительно для своих народов.

Что же касается „общерусской культуры", которой нас пытаются заманить на „старое место", то правда, что мы много своих сил, способностей и талантов потопили в этом взбаламученом море в ущерб интересам своих народных самобытных культур, но ведь опять таки, эта, так званная „общерусская культура" не была плодом свободного творчества народов, населяющих Россию. В сокровищницу этой культуры принималось только угодное властвующему народу, все иное — наше, самобытное отвергалось, осмеивалось, оплевывалось, и сколько по пути к этой сокровищнице пало неосуществленных надежд, изломанных жизней, разбитых идеалов, непризнанных талантов, которые в служении своему народу могли бы пышно расцвести и отдать все свои силы созданию своей национальной культуры. Взять хотя бы Гоголя. Прочтите некоторые из его писем к матери. Сколько душевной трагедии в них. Весьма вероятно, что его разлад между любовью к своему народу и вынужденной необходимостью творить на чужом языке и был причиной изломанности его жизни, причиной его болезни и ранней смерти. А вот и другой мученик и страстотерпец, Шевченко, избравший любовь к народу, не принятый в число творцов „общерусской культуры". А вся украинская культура, потопленная в море московского невежества XVII столетия. А сорок тысяч казаков, за „непокорность" посланных на создание перла „общерусской культуры" туманной и неприветливой столицы — Петербурга и положивших там свои головы. И сколько таких примеров можно бы привести!

Нет мы не были равноправными творцами „общерусской культуры", ради которой было удушено, уничтожено и принесено в жертву много иных может более способных к жизни и развитию культур иных народов. Мы были только удобрением для нее, Надо было умереть для своего народа, чтобы быть полезным делу создания „общерусской культуры". Как не может живой человек попасть в загробный мир, так тоже невозможно было живому и н о р о д ц у попасть на форум „общерусской культуры".

Вот почему, созданная под гнетом идей и способа мышления одного народа культура привела к неслыханному краху, к б о л ь ш е в и з м у. Скажете, что это уже слишком! Посмотрите русскую литературу: Тургенева, Толстого, Некрасова, Никитина и многих других, не найдете ли в них зерен, из которых выросли буйные всходы большевизма? Да и у какого народа, кроме воспитанного на „общерусской культуре" могла утвердиться безумная мысль о осуществлении идей коммунизма?

И после этого: „Россия прежде всего! Россия выше всего!" — Нет, повторяю, покорно благодарим. Дайте нам свободно вздохнуть и спокойно пожить. Вы со своей Россией не успокоитесь на большевизме, станете еще что нибудь выдумывать, вроде бонапартизма или фашизма, а мы уже хотим покоя.

Случилось мне говорить с одним из представителей таких любителей великой России, недавно прибывшим из СССР. Ничего практического, ничего реального, только ослепляющая идея возрождения „колосса".

На мой вопрос: „что ж, будет центром будущей вашей России снова Москва, или Петербург?" — „Почему нет?" — „А как же та стихийная ненависть против Москвы, откуда извергаются на народ бичи и скорпионы советского законодательства". — „Должен, конечно, признать, что окраины стихийно ненавидят Москву, но национальные вопросы там не так остры, как вы их себе здесь представляете".

Да, выражаясь словами одного из великих поэтов: „Молчат, ибо благоденствуют". В этом сказалось все. Больше я на тему о национальных вопросах разговора не продолжал.

Относительно же сомневающихся в успехе нашего дела, можно сказать одно: кто не рискует, тот не выигрывает. Без борьбы, без усилий ничего не дается. Мечтания большинства из нас о том, что стоит упасть большевикам, как мы снова сможем возвратиться к прежней счастливой и спокойной жизни, так же несбыточны, как восход солнца с запада. А ведь многие, большинство, если не высказывают, то в глубине души таят такую надежду. Не стану говорить о том, какие изменения произошли там у нас на родине вследствие десятилетнего властвования большевиков, воспитания молодежи и разрушения старого мира. Кто умышленно не закрывает глаза, тому это хоть отчасти знакомо из писем и газет. Однако, возможных для культурной жизни в будущем условий можем достигнуть только путем отделения от Москвы и создания союза освобожденных народов. Только этим путем можно достигнуть мира на наших землях, как внешнего, так и внутреннего, ибо только развитием идеи национального освобождения и строительства можно возвратить к духовной жизни то поколение, идущее вслед за нами, которое имело несчастье стать жертвой большевицких опытов воспитания.

Наше неучастие или противодействие не может уже предотвратить борьбы за освобождение, потому что такая идея, как идея народного освобождения всегда создавала и создает много последователей, родит мучеников за эту идею и фанатиков, а ведь тех не удержит ни наше неучастие, ни наше противодействие. Поэтому единственным средством эту борьбу, если не предотвратить то сократить ее срок, довести до благоприятного для наших народов конца, это всем, хоть сколько нибудь сочувствующим, сомкнуться в тесные ряды, употребить наибольшие усилия и превозмочь.

В противном случае, если мы не решимся, если будем ожидать, что сделают другие, что покажет будущее, борьба примет более затяжные формы и покоя нам, воздержавшимся, не будет.

В том же случае, если мы сплотимся во едино вокруг нашего знамени „за свободу народа“, соединимся с нашими соседями, — возможно и вполне вероятно, что ни войны, ни борьбы или совсем не будет, или она будет легче и мы сможем скорее спокойно заняться нашим государственным строительством.

Инж. В. Бейсуг.

К проблемме нашего экономического возрождения.

IV.

В заключение нашего очерка мы хотим дать еще одну иллюстрацию „инженерского“ подхода к проблемме нашего экономического возрождения. В прошлом номере журнала мы произвели оценку систем: коммунизма, социализма, кооперативизма и капитализма, т. е. как бы форм духа, дающего тот или иной характер народному хозяйству. Теперь подойдем к телу этого хозяйства, а именно к той его форме какую создал в Казачьих Землях современный советский режим. Традиционно наметим в этом теле три части: природу, человека, капитал. Хозяйственная разруха в наших Землях через стекла очков инженера представляется в виде огромной машины с износившимися частями и неправильно собранную в целом. Рассмотрим порознь каждую часть.

Несмотря на достойную удивления способность коммунизма к порче и истреблению всего и вся, красный смерч не мог, конечно, внести свои тлетворные бактерии в самое природу Казачьих Земель. Их природные богатства красуются по прежнему во всем величии своем неисчерпаемости и ждут творческой руки человека. Данная часть машины не испорчена. Остается вторая возможность: она не правильно соединена со всей машиной. Это и имеет место в действительности. Правовые условия обладания природы человеком не соответствуют заданиям общей машины народного хозяйства. Суб'ект права определен не требованием обстановки и мотивом целесообразности, но социалистическими и коммунистическими доктринами. Применена сухая отвлеченная догма без всякого внимания к действительности. Огульно приложены выводы из учения Маркса, Ленина и всех других спасателей человечества.

Возьмем центральный вопрос из рассматриваемой области, — вопрос аграрный. Что же мы здесь видим? — Один шаблон: и к Мурманскому Краю, и к Забайкалью, и к Туркестану и к Казачьим Землям приложены величественным жестом единой программы красных московских властителей одни и те же положения без всякого внимания на местные особенности. Ну, а вот приняли ли во внимание их авторы то, что больше 50% всей земельной площади Казачьих Земель принадлежало казачьим войсковым общинам, а если брать отношение лишь к удобной земле, то даже 75-80%? Выравнивали ли они для их специальных самобытных условий свои доктрины? Захват и парцеляция помещичьих земель и захват земель казачьих общин для учителей социализма одно и то же: „осуществление социальной справедливости“. Через инженерские очки получается далеко не одно и то же. В момент революции аграрный вопрос в Казачьих Землях был не менее труден и сложен, чем на всей территории павшей Империи. Однако, краеугольным камнем его являлась проблемма взаимоотношения населения казачьего и иногороднего, т. е. то, чего не знали уже и соседние губернии Российской Империи. Нельзя ли a priori уже из этого заключить, что след. и решение вопроса должно быть свое, иное? Для доктринеров оперирующих лишь с общими идеями местная обстановка не существенна, — все под один колпак. Для нас данная обстановка — это все, в ней и надо искать пути для реконструкции.

10 лет прошедших от дня октябрьской революции повидимому уже окончательно ослабили идею восстановления поруганной захватом справедливости, в качестве критерия для будущего решения аграрного вопроса. По крайней мере, в русской эмиграции, напр., уже ни одна партия, включая и монархистов Кириловского толка, не выставляет полной земельной реституции в качестве программного требования. Как не велика идея справедливости, но... отыскать ее в абсолютном виде в сплетенном клубе событий последних 10-12 лет свыше разума человеческого. Теперь скорее следует думать об „установлении“ справедливости, чем о „восстановлении“ ее. Впрочем, элемент справедливости стоит вне поля нашего „инженерского“ подхода к вопросу. Чем больше справедливости найдет себе место в правовой структуре отношений человека к земле и природным богатствам нашей территории, — тем лучше, но не в ней считаем мы за правильное видеть критерий для решения.

В процессе экономического строительства (подчеркиваем, что не вообще, а именно в процессе экономического строительства) на первое место мы выдвигаем принцип целесообразности. Этот принцип одинаково приемлем и для нас и для оставшихся дома, он наилегче из всех может быть принят, как общеобязательный. Своеобразные исторические формы земельного казачьего быта должны быть необходимым пунктом, и опять таки не во имя самого по себе уважения к истории, но потому, что без приемственности форм невозможно никакое рациональное построение. Институт станичных наделов, войсковых земель, частного землевладения нуждаются в поправках, пересмотре, перекройке и т. д., как всякое дело рук человеческих. Однако, нет никаких доводов целесообразности, чтоб отбросить все это и привинтить фактор природы к общему телу народохозяйственной машины такими фактическими правовыми винтами, как это сделали большевики. Даже относясь к проведенной большевиками реформе совершенно об'ективно — по инженерски, мы отрицаем ее, отрицаем не потому, что являемся стороной пострадавшей, не потому, что проведена она насильно, но потому что она оказалась абсолютно нецелесообразной. Она не удовлетворила никого, ни новых пришельцев, ни старых хозяев. Она не помогла восстановлению хода всей народохозяйственной машины. На состоявшемся недавно с'езде агрономов Рыков произнес такие слова: „сколько вы не доказывайте крестьянам, что сеять пшеницу или рожь лучше по новому, чем по старому, крестьянин не будет этого делать, если ему вообще не выгодно сеять“(!). Это есть осуждение из уст самого советского „президента“ всей советской крестьянской политики, а тем и правовых норм отношения землепашца к земле и ее плодам. „Не выгодно сеять“, — но почему не выгодно? Потому, что отсутствует всякая правовая гарантия использования плодов своих рук, потому что сеять нецелесообразно.

Мы вовсе не собираемся решать парой строк сложный вопрос правовых условий обладания природными богатствами Казачьих Земель (в этих рамках и аграрного вопроса), но сравнивая опыт прошлых начал с советским настоящим, можем констатировать полную нерациональность настоящего и необходимость внесения и сюда элемента целесообразности в качестве основного принципа экономического строительства. И здесь надо переустраивать не во имя проведения тех или иных „незыблемых“ начал или осуществления отвлеченных доктрин, но во имя достижения правовых норм, при которых сеять будет выгодно, при которых человек не в теории, а практически сможет извлечь из при-

роды максимум ее даров, достигнет наибольших результатов с наименьшей затратой сил, при которых фактор природы будет присоединен к другим факторам правовыми нормами, обеспечивающими правильный ход машины народохозяйственной жизни. Восстановление принципа частной собственности и собственности казачье-общинной является здесь одним из основных требований не „реставрации", но просто рациональной организации.

Другая часть нашей машины — человек. Он интересует нас, как суб'ект труда. Трудно измерить все безпримерное значение труда в процессе восстановления наших земель. Недаром в области рассуждения об экономическом возрождении бывает так ходка мысль, что в конечном итоге всех восстановительных операций в стране останется только то, что будет уплочено за труд и его организацию. Тем важнее конструкция этой части народохозяйственной машины и совершенство ее пригонки к целому. И здесь нашим основным требованием будет организация рационального труда. Все остальное должно быть выводимо из этого положения. Чтоб быть рациональным, труд должен быть свободным, но не во имя „свободы, равенства и братства", а во имя той же рациональности: давно уже доказано, что не рабский труд, ни труд крепостной не могут сравняться по своей производительности с трудом свободного человека. Труд должен быть интенсивным и напряженным, — и опять таки границу, за которой начинается „система выжимания пота" должна поставить та же рациональность: система выжимания пота, как доказало современное учение о научной организации труда, невыгодно для самого же работодателя, тейлоровский максимум труда уступил уже место оптимуму труда. Труд должен быть сознательным.

Для этого трудящийся должен знать цель своего труда, принимать эту цель и верить в ее осуществление. Бесцельное наливание воды в бездонную банку никогда не может быть „поставлено рационально", ибо рациональность труда неразрывно связана и с элементом творчества. Наконец, труд должен быть вознаграждаем, и при этом вознаграждаем реально и непосредственно.

Указанные условия далеко не исчерпывают всех требований, пред'являемых к труду в целях его рациональности. Однако, и их достаточно для констатирования, что рассматриваемая часть народохозяйственной машины не выдерживает теперь у нас дома никакой критики. Сознательность труда? — Она ограничена исповеданием маркситско-лениновского учения и ставимыми им целями. Вознаграждаемость? — а номинально то она низка, а реально, за вычетом всех отчислений и принудительных подписок, вознаграждается лишь ничтожная доля труда; и рабочий и сельский хозяин ничего не могут купить, как только их труд принимает форму денег. Свободный труд? — но о какой свободе труда можно говорить в государстве, где труд разрешается прилагать лишь в предписанных областях и отрослях? и т. д. Не соблюдено ни одно из главных условий рационального труда. В „стране трудящихся" труд является нецелесообразным в полном значении этого слова, из него просто сделан некоторый деревянный кумирчик. Нам же нужны не деревянные божки, но валы и колеса для стальной народохозяйственной машины.

Нам остается еще один элемент, — капитал. В условиях современной действительности здесь приходится уже говорить не о несовершенстве данной части нашей народохозяйственной машины, но о почти полном ее отсутствии. А между тем для восстановления и пуска машины в ход эта часть весьма существенна, и даже больше: мы думаем, что весь успех или неуспех решения проблеммы нашего экономического возрождения в значительной степени будет зависеть от удачи, или неудачи в вопросе нахождения капитала и при этом, за неимением своего, капитала иностранного. В этом своего рода трагедия большевиков: они уже давно убедились, что без иностранного капитала они не в состоянии пустить в ход народохозяйственную машину, а между тем заграничный капитал к ним не идет и при их социально-политических предпосылках и пойти не может. За 1920-27 г.г. им удалось привлечь путем концессий лишь около 52 милл. руб., что является каплей в море потребности. Надо помнить, что иностранные капиталисты дадут свои капиталы лишь в том случае, если это будет являться для них хорошим надежным и выгодным гешефтом. Это истина несколько циничная, но все же истина. Профинансировав войну союзников против центральных держав, американцы сделали прежде всего хороший гешефт, в результате которого оказались почти вне экономической конкуренции. Без мотива гешефта американцы не дали бы союзникам ни одного доллара. Что нужно кредитору? Надежность должника и прибыльность помещения капитала. Эти два условия и нужно принять. Нужно создать правовой порядок, зиждящийся на общечеловеческих моральных основах, дать материальное обеспечение в виде природных богатств наших земель и проявить нелицемерное намерение честно заплатить в будущем долг — в этом была бы наша надежность, как должников. Согласие хорошо заплатить за пользование капиталом, — это второе условие.

И в том и в другом случае нужно смело смотреть в глаза будущему. Мы будем стоять перед необходимостью проведения грандиозной коммерческой операции. К ней нужно подходить по коммерчески, с карандашем, бумагой и счетами в руках, с методами коммерческих инженеров. Нашу надежность пусть исследуют кредиторы, мы же должны измерить, сколько нам нужно, и какой процент мы сможем заплатить. И то и другое будет величинами не малыми. „Комитет Экономического Возрождения Юго-Востока России" в своих работах в 1921 г. в Константинополе определил искомую им сумму приблизительно в 700 мил. зол. руб. Если отнести об'ект наших рассуждений к той территории, которую упомянутый Комитет называл в 1921 г. „Юго-Востоком России", то приблизительно об этой же сумме можно говорить и теперь. Сумма не малая. Что же касается среднего процента, который придется платить за такие деньги, то он будет, мы думаем очень велик. Иностранцы не пропустят случая хорошо поживиться. Но тут, в пределах устанавливаемых коммерческим расчетом, мы позволяем себе проявить большой оптимизм : восстановление экономической жизни наших земель, это операция таких неограниченных перспектив, при которых можно платить любой процент. Мы бы горячо протестовали и сомневались в успехе дела, если бы определение кредитора совершалось не на экономической платформе, если бы его личность предопределялась мотивами неэкономическими, если бы форма кредита шла в разрез с требованиями наилучшей конструкции и т. д., — что бы означало повторять то, что делают сейчас большевики, делая заказы не в тех странах, где они могут достать наилучшие и найдешевые товары, но там, где это предписуют интересы подпольной работы III интернационала. Но если бы дело было поставлено на инженерную платформу и чистый экономический расчет, мы бы тогда не боялись никакого процента. Мы слишком верим в силу нашей будущей казачьей народохозяйственной машины, чтоб не рискнуть заплатить какие угодно большие деньги за недостающую ей часть.

Американцы говорят: затратить на рекламу большого предприятия 100 дол. — это значит сжечь деньги ; затратить 1.000 дол. — бесполезно их истратить; затратить 10.000 — сделать плохую сделку, но истратить на рекламу 100.000 дол. — это значит выиграть во много раз больше. Эту мысль, выражающую важность размаха дела, как основной фактор его успеха, мы думаем, можно применить и к делу нашего экономического возрождения в целом, к решению вопроса о капитале — в частности. Размах ждущих нас задач позволит нам роскошь заплатить и очень дорого за пользование иностранным капиталом, при условии если его размеры будут для нас достаточны. Этим определяется наше отношение к советским исканиям иностранного капитала в форме предложения жалких концессий, обставленных режимом боязливого контроля, и выработанных на требованиях каких угодно, но только не требованиях рациональной организации.

Таковы различия между конструкцией советской

экономической машины и теми, построенными на принципе экономической целесообразности, началами, какие, по нашему мнению, должны лечь в основу нашего эк. возрождения. Советская конструкция и методы возрождения наших земель покоятся на присланном из Москвы красном агитаторе и его длинном языке, мы же хотели бы строить наше эк. благополучие своими инженерами, и на основе их знаний и расчетов.

Ковак Бидолага.

Трагедия Кубанской Армии.

(Ко дню девятилетия 1920—1929 г.)

Конец апреля. Дивная теплая манящая и растворяющая все — южная весна. Все в зелени. Аромат цветов п'янит.

Так мягко и приятно на солнышке, что, кажется, и не вставал-бы, пригревшись где-нибудь под кустиком. Улицы города Сочи запружены людьми, лошадьми, подводами... Сплошь казачьи папахи, черкески нараспашку, гимнастерки... Тепло и мягко в воздухе, но люди сумрачные, грязные, небритые... У каждого через плечо „переметные сумы", бурки, мешки...

Людская лавина, странная и молчаливая, постепенно движется и движется к „набережной", заполняя песчаный берег моря, что влево от пристани... — То строевые части капитулировавшей Кубанской Армии, уже разоруженные и без лошадей, направлены к пристани для разбивки на группы и отправки в ближайший тыл красных, — в Туапсе.

Кто-бы мог подумать, неделю тому назад,что Казачья Армия, насчитывавшая в своих рядах несколько десятков тысяч бойцев, испытанных и закаленных, определенных врагов большевизма, — она, так неожиданно сложит оружие и целыми строевыми частями, при офицерах, пройдет назад пред красными, опустив „очи долу", и там именно, где еще недавно она была хозяином положения...

То был жуткий момент; то был конец Кубани, как самостоятельной государственной единицы, имевшей свою Армию и свой полный правительственный аппарат...

Причин „сдачи" Армии много. Об этом уже писалось и этот вопрос, дай Бог вернуться, еще поднимется на Кубани; но — были-б поданы из Крыма пароходы, появись тогда настоящий Атаман, иль видный Кубанский генерал и дай клич, дай направление — все устремилось-бы к нему и — в Крым, к Батуму, „к турку" и, хоть — к черту на рога...

Армия сплошь из конницы, без фуража, без хлеба и без патронов, на узеньком участке вдоль приморского шоссе длиною в 22 версты, почти без всякого управления и руководства, где зачастую полки передвигались по собственному почину и туда, где был хоть чуть-чуть заметный подножный корм для лошадей и где „мамалыга" считалась наилучшим блюдом, — Армия, загнанная в горы и трущебы, с сознанием „побежденных" — каков мог быть конец ее?

К общему нашему тогда казачьему горю, видные Кубанские строевые генералы, делившие с казаками былую радость освобождение своих краев и водившие их к славе во всю эту долгую войну, за кем-бы они еще могли пойти на новые жертвы по настоянию Атамана Букретова были отозваны в Крым. Армия осиротела. Полки и дивизии возглавились весьма молодыми штаб-офицерами, весьма храбрыми и порядочными, но, — без опыта, без стажа, без имени... Что они могли сделать тогда, когда настроение среди „дальновидных" и более старших царило: „спасайся в одиночку"... Все ждали указаний, распоряжений свыше. Таково воинское воспитание. Но там, в „высях" не все было ладно.

Армию пронизал слух: „сдаваться". Все, конечно, усмехнулись „в ус".

Атаманом Букретовым, в Адлере, спешно сзывается военный совет из старш. военачальников, не ниже начальников частей.

Только что прибывший из Грузии член Пр-ва Белашев докладывает, волнуясь, что Грузинское Правительство отказывается пропустить на свою территорию вооруженную Армию... Начальник штаба Армии полковник Дрейлинг, только что прибывший после переговоров с красными с нейтральной зоны (будка в 4-х верстах южнее Сочи), доложил что если „белые" не согласятся на пред'явленные условия сдачи в течении 24 часов, — наступление красных пойдет с большим напряжением и новые условия сдачи будут более тягостны. Мы, строевые начальники, слышавшие раньше только „слух" маловероятный, прямо таки открыли рты от таких неожиданностей. Кажется, генерал Сидоренко — начальник пластунского учебного баталиона, возмутился от всякой мысли о возможности переговоров. Донские генералы (с нами был 4-й донской конный корпус — „Мамонтовский") возмущенно переглядывались. Мы, молодежь тогдашняя (помню, полковники: Соломахин, Елисеев, Певнев, Мальцев), стоя в месте, удивленно молчали, толкнув локтями друг-друга, дескать — „вот так довоевались".

Атаман Букретов, как Командующий Армией, будучи в курсе всех событий, видимо уже предрешив „сдачу" — „вибрировал" среди настроений приглашенных военачальников, не желая раздувать огонь из за того, что уже должно совершиться „завтра". Для профанации „решения совета", Букретов запросил индивидуального ответа каждого по вопросу о „сдаче", начав как полагается в военной среде с младшего в чине. Поголовно все ответили — „не сдаваться и, если нужно, силою войти на Грузинскую территорию". Теперь, девять лет спустя, не знаю, выполнимо-ли было-бы тогда это решение.

Молча сидел генерал Шифнер-Маркевич. Очередь „ответа" дошла и до него. Все невольно насторожились. Должен был говорить весьма популярный, умный и храбрый генерал. Не вставая, он, в противоположность своему обыкновению говорить быстро, глотая слова и заикаясь, с напряженным спокойствием, четко произнося каждое слово, коротко и определенно заявил:

„Крым должен пасть. Крым будет худшей ловушкой, чем мы находимся здесь. К ним (кто в Крыму) условия сдачи, паче чаяния, пред'явятся более строгие, чем к нам, казакам... Там уже не все спокойно (выступление капитана Орлова). Уголь для транспорта на исходе. Война окончена. Денег нет. Союзники колеблятся в в поддержке. Вести людей в пространство нельзя. И вот, чтобы более или менее безболезненно ликвидировать Армию — наилучшее — она должна капитализироваться".

Заявление столь авторитетного вождя, любимого всеми и храбрейшего, который отступал всегда последним, как громом поразило всех. А Атаман, поднявшись со стула и приняв позу, добавил: „если это нужно для блага Кубанского Казачьего Войска -- я на автомобиле выеду впереди всех войск и первым сдамся бывшим врагам"...

С полынной горечью раз'ехались мы по своим частям, думушку думать свинцовую...

На 2-й день, весть о „сдаче" облетела всех. Все заворушилось. В возможность „сдачи" мало кто раньше верил. Все, словно боясь ее — полки, дивизии, группы какие-то, — все продвинулись к самому Адлеру, проводили его дальше на юг, кружились возле него, ища места стоянки, возвращались, становились временным биваком возле него, вновь снимались и куда-то вновь уходили... Вереницы подвод с беженцами, отдельные тачанки, санитарные летучки... все двинулось куда-то к югу, спасаясь...

Связь и управление Армией была абсолютно потеряна и каждый отдельный начальник поступал так, как сам находил нужным и возможным. Все как-то

сразу опустело в душе и жизнь Армии, частей — утеряли свою цель. В воздухе чувствовался: „конец всему“, конец жуткий...

„Сдача“ подписана. Генерал Морозов был уже в Сочи — в погонах, называли его „Ваше превосходительство“ даже коммиссары. Последовало распоряжение:

„От полков выслать по одному офицеру, а от сотен — по урядннку — кои, без погон, проедут к красным в Сочи и на месте посмотрят — что они из себя представляют. Поехали и доложили вернувшись — вежливое обращение, есть порядок. По наивности, — стало легче на душе.

Офицера в полках все-же на-стороже. 2-я Кубанская дивизия, Корниловским конным полком держит огневую завесу против красных. У казаков робость, боязнь остаться одними перед красными и держать ответ; хотят, чтобы офицера остались с ними и не уезжали в одиночку. 1-я Кубанская дивизия сделала какой-то протокол, что офицера не виновны в борьбе против красных, т. к. казаки сами и сознательно шли на поле битвы. Казаки 2-го Лабинского полка учинили негласный надзор за своим командиром полковником Кротовым, чтобы не остаться без него при сдаче. 1-й Лабинский полк в 1.500 шашек, в ущельи, стоит рядом. На закрытом собрании офицеров решено — остаться до конца с казаками. Этого не могли разделить командир 2-й сотни есаул Луценко*) и пулеметчик хорунжий Шопин,**) как ведшие кровавую борьбу с местными коммунистами в станицах. Они в ту же ночь, получив от командира полка благословение и документы, — незаметно выехали в с. Веселое, в Грузию...

У Сочи снялся с якоря последний пароход „Бештау“, весь облепленный людьми, словно мухами. Адлер как-то сразу опустел. Парные часовые еще стояли у „атаманской“ штаб-квартиры, когда Атаман Букретов, незаметно погрузившись на „Бештау“, отчалил от берега...

Казачья поговорка: „Атаману первая чарка и первая палка“ — в наш век, видимо утеряла свою правду. Зачем же еще было „распинаться“ на „военном совете“?..

Управление Армией перенесено в с. Морица-Хоста, где находился генерал Морозов и откуда уже начали поступать новые распоряжения, диктуемые красным командованием. Приказано было все оружие в порядке сложить у шоссе, впереди частей, т. к. завтра пройдет 1-й баталион красных — занять посты по грузинской границе. Тяжело было смотреть на такое обезличивание. Но — все было выполнено. Приказано было и снять погоны, чтобы не было эксцесов.

С оркестром музыки, с широкими плакатами на древках — грузно и медленно прошел малочисленный баталион красных, как будто еще в нерешимости. Многочисленные толпы казаков, высыпав на склоны к шоссе, молча провожали взглядами своих вчерашних врагов, а потом, отойдя к биваку, посмотрели на горы своего сложенного оружия, сплюнули с досады и сказали:

„И это все?! И этим „ванькам“ мы сдались?!.“

Голод давал себя чувствовать и настолько, что казаки, ничуть не смущаясь, выпрашивали хлеб у всех проезжающих мимо них красных солдат.

Еда обещана была в Сочи и Туапсе. Части уже стремились как можно скорее попасть в эти „заповедные“ пункты. Даже, поднимался маленький спор, кому это, какой части, „посчастливится“ первой попасть туда и... поесть вдоволь... И вот, ирония судьбы: Корниловский конный полк, этот молодецкий Кубанский полк, стойкий и сплоченный, первым поднявший меч против красных, он, как стоял на позиции, так первым же сложил свое оружие, вместе со своим старшим по сроку пребывания в полку офицером и командующим полком, первопоходником Войсковым Старшиною Безладновым*) („Тарас“) и первым прошел назад к Сочи...

Полковник Литвиненко**) успел, увести с собою лишь часть офицеров, находившихся тогда при обозе, а в Крыму еще раз написать страницу боевой работы этого дивного полка, на благо родного Войска Кубанского.

Черкесская дивизия, пылкая и необузданная, оставшаяся под начальством весьма мелких офицеров, несчитаясь с какою бы то ни было, очередью — самостоятельно потянулась „к хлебу“. В относительной последовательности двинулись и др. части. Для скорости пластуны взяли свой путь по еще непроложенному полотну железной дороги.

Донской корпус предназначен итти последним. Донцы, заросшие бородами и чубами за время отступления, словно готовясь итти „домой“, „на побывку“, трогательно подстригались „под гребенку“, сидя на биваке.

Никто из нас и не предполагал, что это шли только первые „цветики...“

Хмурые, запыленные, исхудалые, и на истощенных лошадях, полки длинными лентами вытянулись по шоссе к Сочи. И вот, вдали, на горизонте бесконечной морской дали показались дымки... 5—6 их... Дымки увеличивались, разбухали и уже ясно, невооруженным глазом казаки рассматривали большие морские броненосцы, которые, остановившись на расстоянии орудийного выстрела от берега и словно почуяв неладное, как белые лебеди плавно курсировали вдали... Это еще больше подлило горечи в душу каждого...

Думаю, что впервые за все существование Войска, многочисленные полки кубанцев, в походе, шли без песен... Конечно, было не до них...

У Сочи, у самого железнодорожного моста (помните други, что повис над ж. д. полотном) — красные останавливали полки, командовали „слезай“ и... разрешали с собою брать только сумы... Лошади с седлами отводились в какой то громадный двор и своих долгих боевых друзей казаки уже после никогда не видели...

И кто же здесь проходил?!

1. Часть Кубанского военного училища с начальником училища генералом Диденко.
2. Кубанский учебный конный дивизион, в своем полном составе, с командиром дивизиона генералом Мальчевским.
3. Кубанская учебная батарея со своим командиром, полковником Певневым.
4. Кубанский учебный пластунский баталион.
5. Часть вновь сформированного Атаманского полка.
6. Особый Кубанский полк со своим лихим командиром, полковником Пальским.

Прошел цвет Кубани учебные части, основа Войска, красота Войска, за которым потянулись остальные постоянные старые полки и... почти в полном офицерском составе. Историческая печаль, жуткий момент, гибель Войска, новая кровь и слезы...

И никто, — никто из вождей не подал руку помощи... Брошены, забыты... Может быть история рассудит иначе, но мы все тогда так думали.

Не считая Хоперских полков и др. групп, которые самостоятельно устремились к себе чрез перевал — на контрольном пункте зарегистрировано 34.000 человек. Сила... да еще казачья... А сколько здесь было доблестных, полных сил, молодецких и храбрых офицеров?!. А сколько было первопоходников?!.

Трагедию души их может понять только тот, кто был там сам тогда...

Ровно отсюда начинался пеший марш, с сумами на плечах, ровно до самого... Екатеринодара...

Позор и обида, но — „горе побежденным“ останется всегда.

И вот, — кубанцы в Сочи. В тот же вечер всех старших офицеров, начиная с чина Есаула, выделили, посадили на баркасы в ночь отправили в Туапсе, а

*) Умер в Монтаржи, во Франции после аппендицита с 1926 г.

**) Служит в легионе, в Сирии, в кавалерийском полку.

*) Безладнов — тогда же расстрелян в Екатеринодаре.

**) Литвиненко — в Крыму тяжело ранен в живот и умер в Константинополе.

остальных — под конвоем, пешим строем так же в Туапсе, но только по шоссе...

В Туапсе было отобрано все холодное оружие и у офицеров, а у казаков извлекали все, что бидолаги хотели хоть как-да-нибудь увезти домой: — уздечки, плети, подпруги, газыри и даже — георгиевские кресты... Жалкие и беспомощные лица были тогда у казаков.

И вот казачья натура — податливая и послушная. Тогда — ни одного слова ропота, ни одного движения протеста... Все душенька переносила в своем тайнике, только порою взгляд в сторону своего брата-офицера говорил: „ вот так-так... попались, кажется".

Врастежку на несколько верст, толпами, группами и группицами, из Белореченской до Екатеринодара, пешие полки (так и числились) в три перехода прибыли в свой стольный город и в ночь, глухую как нарочно, мимо былого здания штаба Войска, по Бурсаковской улице, потом мимо городского сада, мимо исторической казачьей „вышки", пройдя „Дубинку" и минуя тюрьму, — были вогнаны во двор кирпичного завода Стахова и в сараях, где раньше сушились кирпичи, раскинулись „квартиро-бивако̀м" доблестные сыны Кубани. Большей насмешки и издевательства придумать было нельзя.

(*Окончание следует*).

И. Зерщиков.

Казачий вопрос... в фильме.

Эта животрепещущая тема неоднократно занимала круги русской и казачьей эмиграции.

Жизнь казаков заинтересовала, наконец, иностранцев и своей новизной и богатством материала заинтриговала даже фильмовое искусство. Это безобидное, как кажется на первый взгляд, увлечение иностранцев, может принести и неожиданные последствия для казачества.

Как известно, в современной жизни, кинематограф — самое распространенное техническое изобретение человеческого ума. Он настолько быстро подвергается вперед, что силой своего воздействия на широкую массу является серьезным соперником печати, а в некоторых случаях даже превосходит ее.

Фильм прекрасно пользуют для культурных и национальных целей, а также употребляют, как средство для политической, религиозной и моральной пропаганды. Но он приносит тогда только пользу, когда находится под общественным или державным контролем и преследует вполне определенную задачу. Иначе он может быть опасным орудием для разрушения нравственных и политических устоев страны.

Находясь вне своего государства, казачество, конечно, не может претендовать на какое-либо бережное отношение к своей национальной идее и серьезно влиять на цели кинематографов других стран, но факт участившихся постановок фильмов из казачьей жизни, не позволяет казакам небрежно и равнодушно относиться к этому иностранному увлечению.

Жизнь казаков освещается с самых различных сторон. Недавно перед зрителями прошла картина с явной тенденцией охарактеризовать казаков с точки зрения русско - помещечьего быта. Этот опыт дал фильм: „Казаки" по Невскому.

К счастью, он не выдержал общественной критики и не достиг широкого распространения. Этого, как будто было достаточно, чтобы ловкие предприниматели учли вкус публики и не посмотрели глубже и серьезнее на казачью жизнь.

Спустя несколько времени, на сцену появился сенсационный фильм „Стенька Разин", магически воздействовавший на воображение многотысячного зрителя.

Зная Стеньку по песне, иностранцы ожидали от фильма нечто сверхгероическое. И действительно: перед нами прошел не разбойник, кровожадный зверь, пугало детей, палач беззащитных, а атаман вольных казаков, защитник угнетенных и национальный вождь народа, как об этом свидетельствовали картина, афиши и надписи.

Не обошлось, конечно, и без курьезов. Не понравилось кое - кому афишировка, и прежнее название фильма было заменено простеньким русским заголовком: „Волга, Волга..." До сего времени, даже многим казакам личность Разина была известна, как символ разрушения, произвола и насилия. Фильм хотя и в сжатой форме дает новое представление об этой фигуре, освещая события с другой стороны, и тем самым открывает истинную причину похода казаков на Москву.

Последующая инсценировка фильма „Казаки" по Толстому и Гоголю — преподносит обществу уже более реальное представление о казачестве вообще. Картина захватывает не одну какую-либо сторону группы казачьяго народа, а выносит целиком с его бытом, нравами и обычаями. Отсутствие преувеличенно-уродливых типов, пьяниц, босяков и дегенератов, которыми обкновенно пестрят заграничные фильмы из русской жизни, делает его поучительно-интересным не только для казаков, но и для иностранцев.

В силу этого, казакам не без'интересно будет познакомиться с сюжетом в том виде, в каком руководители фильмового искусства в „Холливуде" выносят на экран, тщательно затушеванную русской историей, жизнь казачьего народа, для оценки ее международной массой избалованного зрителя.

„Издавна в горах Кавказа обитает немногочисленное (?) племя — казаки", говорят они публике — „живут они в чистых, опрятных куренях и занимаются скотоводством, земледелием. Религия — православная. Считая себя в культурном отношении выше своих соседей, в том числе и русских, они выше казака никого не ставят. Бог — выше всего. Во главе их стоит Гетман из казаков, обладающий полнотой власти. Скрытая любовь к семье создает мужчинам особый авторитет. Постоянные войны с соседями сделали из них отважных и храбрых людей, а их жен незаменимыми хозяйками. К мужьям женщины относятся почтительно, но это не мешает им нередко в домашнем быту играть первенствующую роль. Герой настоящего повествования, Алексей, живет зажиточно и привольно в довольно благоустроенном доме своего отца, гетмана.

Его безразличие к военным походам, „чрезмерное" уважение к женщине и пристрастие к книге сильно огорчают отца и стариков станицы.

Красивый, лихой джигит, далеко опередивший своими виртуозными номерами сверстников, Алексей, однако, не может преодолеть отвращения к себе казачьей молодежи. Даже Марианка, всем сердцем любившая Алексея, не могла простить ему „отсталости" от его сверстников.

Однажды, после удачного похода, развеселившиеся молодцы, привязав его к дереву, зло посмеялись над ним, забросав его виноградными зернами. Прибежавшие на шум девушки, во главе с Марией, не отстали от казаков в издевательстве.

Со злобным отчаянием, со слезами на глазах, Мария первая набросилась на него.

Оскорбленный, с надорванным сердцем, после крупного домашнего скандала, Алексей решил бежать из дому, но на пути натыкается на турок. В короткой схватке с ними, он легкостью тигренка удивил подоспевших казаков и уже как герой возвратился в станицу. С этого момента жизнь его совершенно изменилась.

Отец с гордостью провозгласил его своим помощником и дал ему ответственную сторожевку.

Прибывший из Москвы князь, посланник царя особенно обеспокоился отсутствием мужчин и выразил удивление бесстрашию женщин при наличии серьезной опасности от турок. Скоро он успокоился, увидя Марианку. Красота ее поразила его. Статный, избалован-

ный князь сразу же перешел в атаку на молодую, неопытную девушку. Его драгоценности, изящные манеры несколько соблазнительны для Марианки, но казачья кровь дает ей силы и она с отвращением растоптала предложенные ей князем подарки. „Казаки вовсе не то, что вы о них думаете“, отрезала она на старание князя очернить казаков и, бросив в лицо ему ожерелье, вылетела на встречу возвращавшемуся отряду. Соскочив с коня, Алексей поспешил к Марии, но в последнюю минуту сдержал порыв и Марианка готовая броситься ему в об'ятья, встретила холодность и насмешку.

Он не мог забыть виноградных зерен. Больше того; чтобы больней уязвить Марианку, Алексей на празднике казаков, после лихих джигитовок, публично поцеловал бродячую актрису.

Этого было слишком много для ее любящего сердца. Девичьи грезы разбились, кумир упал с высоты. Происшедшая сцена кончилась весьма плачевно. Гордая Марианка чисто по женски рассудила дело: с разбитым сердцем приняла предложение князя. Узнав о случившемся, Алексей проник в комнату Марианки. Стал молить, просить простить его. „Мы — глупые дети“ — уговаривал он — „не понимали, что делали“. Но клятва, данная ею на хлебе и свече, по старинному обычаю, не нарушима. „Что мне хлеб, твоя свеча, когда я люблю тебя“ — вырвалось у него — „и ты будешь моей! С этими словами он, как раненый зверь метнулся из комнаты.

Случай открыл отцу намерение сына. „Подумай, какие последствия могут быть для казачества. Ведь он царский посланник“. — Предупреждал он сына. „Эх! Батюшка, возразил Алексей, — видимо стар ты стал, что боишься Москвы! когда же казаки боялись царя“?

Рассмеялся отец, хлопнув его по плечу. — Ты прав, Алексей. Как мог я — „простак“ родить такого умного сына. Идем вместе!“

Вдали показалось облако пыли. То князь уезжал с Марианкой в Москву.

Спокойно выжидали казаки. Зорко всматривался в змеевидную дорогу притаившийся за скалой отряд турецкого султана. Треск выстрелов и турки окружили карету.

„Я не казак, — об'ясняет испуганный князь — я — посланник Москвы, а наш батюшка Царь так Вас любит!..“ Но в это время, как орлы спустились со скалы отец с сыном. Им была дорога казачка. В неравном бою силы изменили и они, пленные, вместе с Марианкой были доставлены султану. Ни побои, ни пытки и даже страдания Марианки, которые для них были священны, не сломили их казачьего духа.

Они наотрез отказались поклониться Султану. „Пусть нас изрубят на куски, но и куски будут казачьими“ — заявил Алексей своему палачу. — „Батя, скажи хотя теперь, что я — настоящий казак“ — обратился затем сын к умирающему от непосильных мук отцу.

Подоспевший казачий отряд вырвал Алексея из рук палачей и с Марианкой доставил в станицу; а там, несмотря ни на что, кипела работа... Жизнь текла своим чередом...

— Пользуясь данным сюжетом, отбросив технические недостатки и историческую неточность, подойдя к фильму с чисто об'ективной стороны, можно до некоторой степени разобраться в общественной иностранной мысли о казаках и сделать надлежащий вывод, что для иностранцев действительно „Казаки вовсе не то, что о них думают русские“.

Талантливому режиссеру удалось начертать свои собственные типы, внести в фильм иностранную точку зрения на казаков. Ему достаточны были только некоторые штрихи Толстого и Гоголя о казачьей самобытности, чтобы вполне оценить их рыцарский дух и понять уклад жизни тогдашнего казачества.

Знаменитый артист Джон Жильбер (Алеша) воплотил собою настоящего казака, живого, ловкого, жизнерадостного и крайне беспечного.

Иностранец без труда уловил черты, так резко отличающие казаков от окружающих соседей. Он совершенно пренебрег в этой роли какими бы то ни было преувеличениями. Все его движения были просты и ясны. Правда он скорее дал тип современного казака, но это нисколько не нарушает художественности фильма, напротив, придает ему более яркий колорит.

Причина тому, безусловно, кроется в казаках джигитах, работающих сейчас в „Холливуде“, которые своим участием так красиво оттеняют настоящий фильм. Без них едва ли-бы удалось артистам подойти к истине.

Соприкасаясь с этой здоровой, морально-крепкой группой казачьего народа, артисты видели перед собой как бы зеркало, отражающее их игру и удерживающее от излишней фантазии.

Этим же можно и об'яснить, что артистка Рене Адоре в образе Марианки также с'умела пробудить к себе довольно значительный интерес, сочетав в себе бойкую, подвижную, жаждущую ранения Алексея, переносящую стоически пленение — Марианку, с неопытной девушкой, не могущей перенести даже царапины „Амура“.

Отражая собою все признаки начала нового веяния среди казачества, Алексей и Марианка все же резко не рвут с прошлым.

Старое, как-бы подчиняясь неизбежному, добровольно, не теряя ценности, уступает место поколению. Молодежь без особой борьбы, но с эгоистическим упорством забирала право строить свое счастье на взаимной любви и уважении.

„Что мне твой хлеб, твоя свеча, когда я люблю тебя — возражает Алексей, на заявление совсем растерявшейся Марианки. Это уже слишком смелый шаг, скорее пророческий, вплотную подходящий к нашему времени разумного толкования народных верований и обычаев. Алексей — не Стенька Разин.

Он не может выбросить в угоду чего-бы то ни было свою любовь. Наоборот, усматривает в ней силы для борьбы за свои идеалы.

„А когда казаки боялись Москвы“ — возражает он в защиту своего смелого намерения.

Этим самым кроме политического смысла он вносит свежую струю человеческой культуры, связанной тесно с почитанием и рыцарской защитой женщины.

Таким образом, в понятии иностранца, еще тогда родина, семья и честь — лозунги нового течения, сплетаясь вместе, пробив себе путь, положили начало патриархально-семейному укладу казачьей жизни. Еще тогда заложили основу казачьему государственному образованию.

И действительно, в этом фильм не ошибся. Мы — живые свидетели того, что этот зародыш, хотя и не мог достичь своего естественного развития, и, в силу стечения обстоятельств, принял крайне уродливую форму, все же не умер и сохранил свою жизненность до нашего времени.

Образ Алексея не исчез бесследно: сознание своего долга, стремление к знанию и просвещению, продолжают жить до настоящих дней.

В момент опасности от русской революции, когда разнузданные толпы русского народа, как саранча двинулись на казачью землю, учащаяся молодежь первая осознала опасность для своего отечества и, не щадя себя, бросилась в смертельные об'ятия красному гостю.

„Когда же казаки боялись Москвы?! Своим порывом они подняли казачью массу, и, измученные, уставшие в жестокой, неравной борьбе, вытесненные за пределы родины, — они и здесь, в авангарде продолжают борьбу: „Изрубите нас на куски, но и куски будут казачьи!..“

Как видно, затушеванная казачья история толчками и постоянным рокотом всегда напоминала России о себе, готовая во всякий момент прорваться на поверхность мировой истории.

Сколько бы не прилагали труда русские „радетели“ для предотвращения воскресения казачьего „я“, неизбежное должно свершиться и тем скорее, чем больше будет сила сопротивления.

Впечатление, которое произвел фильм на массу, те аплодисменты лихости и героизму казаков, сочувствие и понимание сюжета этого фильма и наконец бурные одобрения публикой недоброжелательства казаков к

русскому послу, — позволяют заключить, что казачество, еще далеко не представленное европейцам в истинном виде, начинает пробивать себе путь.

Памятуя, однако, что фильм в конце концов опять таки „торговое предприятие“ и будет благосклонен к казакам до тех пор, пока — будет развиваться к ним общественный интерес, казачество не должно упустить момента, всеми мерами помочь иностранцам разбираться в казачьих вопросах. Постараться поднять интерес их общества. В беседах-будь то в частной квартире, на работе, при случайных знакомствах и пр., необходимо освещать жизнь своего народа с надлежащей стороны. Это незаметное на вид дело, несомненно, совершит колоссальный переворот по вопросу о казачестве. Многие иностранцы и до сих пор, часто даже соприкасающиеся с казаками, имеют самое превратное понятие о казачьем народе. И только потому, что мы, находясь среди них, прикрыты чужим именем, сами же бездействуем в деле казачьей пропаганды.

Чем глубже вкоренится казачий вопрос в иностранную среду, тем будут легче завоеваны печать и кино, и, следовательно, правильней и всесторонней будет освещено казачество.

Пусть убедятся иностранцы, что казачий патриотизм, по выражению русских — „казакомания“, характеризующий в настоящем сильнейшие нации, и служащий крепчайшим звеном в государстве, не проржавел за многовековую историю, и что „Бог только выше всего“ — живет и поныне.

И пусть так же знают они, что есть еще „отцы“, которые боятся Москвы, чтобы сказать: „Идемте вместе!!.“ и... тем разрешить казачий вопрос.

София, 12/12-1929 г.

Вл. Куртин.

Послесловие к „Кавказскому восстанию“.

(См. „В. К.“ 32, 33).

Памяти погибшего джигита и поэта Васи Барыкина.

Было это в мартовскую слякоть 18 года.

Утвердилась „Советская власть“...

Иногородние от своего и от казачьего имени комиссара избрали. В станичном правлении за атаманским столом уселись „товарищи“..,

Забились по своим хатам казаки. Не показываются ни в правлении, ни на станичной площади.

Низко опустили головы. Задумались... Да не былые это думы казачие — ясные и острые, точно шашка отточенная!.. — Хмурые, нудные и, неизменно, в один тупик упираются:

— Сила их... Большая Рассея... Что поделаешь?..

А делать что-то надо:

— Крови братской не хотелось бы...

— И опять таки все средства уж испробованы: и комитеты „гражданские“ были. И на сбор на равных началах принимали. И землей „бедняющих“ наделяли... Сила их... вот и угнездились теперь... А как же дальше жить?..

И опять закружились думы:

Нельзя т а к жить. Н е м о ж е м так жить...

— И как все это случилося?.. И откуда на нас беда такая?..

— Целыми днями звонят в колокол, точно на пожар зовут... Да и есть пожар: горит отцовщина, а как тушить-то, не придумаем... Крови проливать не хотелось бы. Да и сила их... Супротив силы что поделаешь?.. Корнилов, вот... тот сделал-бы... Да где он?.. У атамана тоже войска мало...

— Эх — сгарнизоваться-бы!..

Хмурятся, думают казаки. А до т о ч к и все никак не могут додуматься.

Слякоть какая-то на душе... а сердце такой тоскою сжимается, что на свет божий не смотрел-бы!..

И забились по хатам казаки, а станицей заправляют „товарищи“...

Было это в мартовскую слякоть 18-го года.

В просторном доме „бывшего“ атамана собрались офицеры и казаки. Их было немного. Но это были те, что не пали духом перед красною силою. Нет! Теперь они еще выше подняли головы. Не безнадежной тоской хмурились очи их... Нет! гордостью, гневом, твердой решимостью горели их очи соколиные.

И было ясно для них — ч т о делать: иль победить, иль умереть за казачество. И без речей, без споров, без взвешиваний порешили:

Поднять восстание!

И отсюда, из атаманского дома —

... „К народу могучие, медные звуки
В даль понеслись.
Негодуя, гудя и на бой созывал“...

Разлетелись степные орлы по станицам. Кликнули клич. Встрепенулось казачество:

Конные, пешие, старые, малые потянулись в станицу Кавказскую...

... Градом посыпалась шрапнель по примитивным окопам станичников. Заухали тяжко гранаты. И, — не просохла еще слякоть душевная!..

— Мало нас... Супротив силы что поделаешь!.. Только напрасное крови пролитие...

И на часах казачьей свободы остались лишь те, кому жизнь п о б е ж д е н н ы м и была горше смерти от рук „товарищей“

И схватили их. Скрутили руки. Сорвали черкески... Сперва гнусные издевательства над душею и верою, затем — залп.

— Умираем за казачество! Успели крикнуть богатыри — казаки и, навек сомкнули соколиные очи свои...

И долго их трупы лежали на свалках. Собаки лизали штыковые раны. Воронье стаей кружилось над ними...

Плачет станица. Забились по хатам казаки.

Но не мучаются уж, как прежде, в поисках м и р н о г о выхода. —

— Против силы надо действовать силою.

— Никогда не уживутся казаки с „коммуною“.

... Слышишь, каркают вороны над трупами?..

— Похоронить не дали по христиански...

И все чаще и чаще гневом глаза загораются. Уже многие и многие из хат в камыши и леса перебрались Накапливалась коллективная ненависть.

И уже не о п р о б е мечтали, но о б о е.

О правом бое — на живот и смерть!

Темной ночью, в лесу, над Кубанью собрались казаки. И было их уже не мало.

Звенят голоса молодые:

— За Казачество!

— За могилы отцовские!

За свободу!..

Поднялся один молодой казак, запевало станичный и большой мастер „экспромтом“ песни складывать.

Тихо. Только лес покряхтывает, да Кубань бормочет одобрительно.

— Братцы! крикнул Вася.

— Братцы, довольно обмана!..

В эти кровавые дни
Силою вражьего стана
Царствуют гады одни!..
Там, за железной дорогой,
Трупы, в одежде убогой
Наспех зарыты в песок...
Там без креста и могилы
Бандой кровавой, трусливой
Наши зарыты отцы...

Смело же в бой храбрецы!..
Кровью своей молодою,
Подвигом, жертвой святою
Смоем позор.—
Светел и ясен наш взор!
Смело-ж на бой!
Край свой родной
Вырвем у красных „свобод“!..
С Богом!.. Вперед!..

— — —

— С права, по три! Рысью! Марш!..
— В Мечетку!..

— — —

Стихотворение это записано буквально со слов молодого казаченка, Васи Барыкина, „выпалившего“ его перед казаками при обсуждении плана — удрать от Одарюка — к своим.

Вася Барыкин, самостийник, джигит, талантливый юноша, до болезненности брезгливый к „кацапам“ — погиб под Черным Яром...

Пусть же эта краткая „памятка“ будет венком на его „неизвестную“ могилу.

Кровь его станичников не пропала даром. — „Васи Барыкины“ на Кубани не переведутся. Их „подвигом, жертвой святою“ освободится и возродится могучее Казачество.

Адыль-Гирей Кулатти.

Мое знакомство с Ю. Гончаровым.

Мне не привелось ближе сойтись с Ю. Гончаровым, но все же то немногое, что я знаю о нем, представляет некоторый интерес и мне хочется, чтобы его узнали и все те, для кого покойный был так близок. Имя Ю. Г. я впервые прочел под одним из многочисленных его произведений, которые можно было найти почти в каждом литературном журнале, главным же образом на страницах журнала „Вольное Казачество“.

Отсюда, если так можно сказать, я и познакомился с Ю. Г., как с поэтом и повествователем и у меня явилось желание узнать его поближе, познакомиться с ним, как с человеком, тем более, что мы были в одном городе. Изредка я видел его в общественных местах, курящим свою коротенькую трубку, с которой, как мне казалось, он никогда не расставался.

Уже в эти мимолетные встречи мое внимание было привлечено его необыкновенной задумчивостью. Он производил впечатление человека, погруженного в себя, зарывшегося в свои мысли. Особенно меня удивляло то, что я никогда не видел его веселым...

Несмотря на свои молодые годы, он был грустен и даже сумрачен, что и останавливало меня в тот момент, когда я собирался заговорить с ним... Почему он был сумрачен, о чем грустил?.. Чувствовал-ли он уже тогда свой близкий конец, грустил ли о Родине, о Тихом Доне со всеми теми благами, которые он раздавал щедрой рукой своим верным сынам или еще о чем нибудь другом? — Я не мог разгадать...

Однажды вечером, совершенно случайно, я забрел в бараки, где пели казаки. Подойдя к ним, я обратил внимание на сильный грудной голос, выделявшийся среди остальных. Мне было интересно, кому он принадлежит? — И как же я был удивлен, увидев Ю. Г.

Я уже не обращал больше внимания на остальных и следил исключительно за ним.

Он пел с чувством, отдаваясь целиком песне, — переживал ее. Выражение лица быстро менялось и, казалось, не успевало отражать чувств, вызванных песней. То оно было весело, то печально, потом снова игриво, или мечтательно.

. . . . . .

В другой раз я слышал Ю. Г. на одном из „Вечеров по национальному вопросу“, которые этой зимой устраивались в Брно местными украинскими организациями вместе с Союзом Горцев Кавказа. После рефератов, прочитанных украинскими и горскими представителями, были открыты прения и вот здесь, от „Вольного Казачества“, выступил покойный Ю. Г. С большим интересом слушали все мы поэта, выступившего в роли политика. В простых выражениях он наметил нам программу „В. К.“, богато разукрасив ее поэтическими сравнениями и иллюстрациями на которые у Ю .Г. никогда не ощущалось недостатка.

. . . . . .

Больше мы не встречались. Будучи занят, я мало бывал в общественных местах, а в те редкие посещения я его там не видел. Он, как мне сказали потом, уехал в Прагу на предложенное место в редакции журнала и там скоропостижно умер...

Я не хотел верить, слишком невероятной мне казалась такая „скоропостижность“. Но вывешенные извещения о смерти Ю. Г., затем целый № журнала „Вольного Казачества“, посвященный памяти покойного не допускали сомнений. Умер!.. Умер! Бедный „Водяной мастер“, как мысленно называл я Ю. Г.

Умер на заре своей жизни, в дверях избранного пути...

Пусть же спит спокойно тот, утрата кого вызвала столько неподдельного сожаления.

Пусть спит спокойно тот, кто никогда не умрет в сердцах своих единомышленников, друзей, знакомых и читателей.

Brno. Апрель 1929.

Шамба Балинов.

Характерная мелочь.

С. В. **Макаров:** Скажите, пожалуйста,Павел Николаевич, нам свою казачью программу, а то покою нам не дают вольники, прямо на шею наседают...

П. Н. **Милюков:** (*удивленно разводя руками*) Разве Вы не знаете мою казачью программу? Значит, плохо читаете мои статьи... (*С. Макаров смущен, растерян*).

— — —

Такая любопытная сценка, говорят, имела место на чае-собеседовании, устроенном В. А. Харламовым и др. во время последнего приезда в Прагу П. Н. Милюкова.

Если принять во внимание добродушие и политическую простоту (хотя и б. Донского министра земледелия) С. В. Макарова, этого старого казака, ныне по солидарности с своим патроном Харламовым вошедшего в лоно донской казачьей Милюковской фракции, то такое непосредственное, наивное обращение — вполне возможно и понятно. Видимо, по своей простоте, С. Макаров думал, что Милюков так ему и выложит стройную, казакам нужную, казачью программу, чем он, Макаров, стал-бы „крыть“ вольных казаков. Желание понятное...

Но также понятно, что такой „гибкий“ политик, „эластичный“ тактик, как Милюков, ничего иного и не мог ответить, кроме неопределенной ссылки на свои писания, ибо не только у Милюкова, но и у всех дру-

гих русских политических партий нет и не может быть „казачьей программы". Это понятно и естественно, так как все они исходят из одного основного положения: казаки — органическая часть единого русского народа, только в силу исторических условий игравшая роль расширительницы и защитницы русских границ („военное сословие"); но теперь роль эта выполнена и, естественно, казаки должны слиться воедино со всем русским народом.

При таком исходном положении естественно и логично не иметь „казачьей программы". И есть отдельные казаки, примиряющиеся и даже „патриотически" приемлющие это „неизбежное" для казаков положение. Но, насколько мы знаем, С. Макаров к этой категории не принадлежит, но тем не менее с детской наивностью он ждет, чтобы ему выработал „казачью программу" П. Н. Милюков, ожидает, что кто-то свыше „пожалует" казакам основы и правила их жизни.

Ведь бывают люди, которые под рукою своею имея необходимо-нужную им вещь, ищут и ждут ее получить из-заморских стран, от „умных" чужестранных людей.

Точно также есть казаки, которые, имея в руках ясную и определенную казачью программу, свободно высказанной волей всего Казачества в казачий, для всех казаков обязательный закон претворенную, ныне ищут людей и политических партий, которые дали бы им „казачью программу".

А эта ясная и определенная казачья программа, казачий закон определяется одним словом: „Независимость". И она, волею Казачества была претворена в нравственный и юридический закон, на основании которого три года жили казачьи государства на своей Земле, защищая который потоками лили свою кровь казаки. На основании этого закона и до ныне в эмиграции существует казачья власть...

Теперь это Казачье Знамя в своем первоначальном чистом виде поднято течением Вольного Казачества и об этом нравственном и юридическом обязательстве каждого казака перед своей Казачьей Родиной изо дня в день напоминается казакам на страницах нашего журнала.

Но, к сожалению, есть слепые, которые лишены видеть свое подлинное Казачье Знамя, есть глухие, которые лишены способности слышать свой родной Казачий Гимн.

Но, пора и наконец, всем тем казакам, которые имеют уши — слышать, имеют глаза — видеть, и которые не считают „песенку казачью спетой", понять, что никто нам не даст, кроме самих казаков, казачьей программы и никто, кроме самих казаков не может указать истинные пути действительного возрождения Свободного, Вольного Казачества.

Нужно самим казакам выработать свою программу, самим казакам наметить свой путь, всем об'единиться вокруг своего Казачьего Знамени и общим усилием добиться такого положения Казачества, когда-бы у различных „друзей" Казачества совершенно пропала охота вырабатывать для казаков „казачью программу".

Тогда не будет такой печальной картины, когда старый, убеленный сединами, казак робко подходил и заискивающе просил у Милюковых — „пожаловать" казакам „казачью программу". Картину, когда сильный степной Орел добровольно старается превратиться в домашнюю смиренную курицу...

Казачьи песни.

Собирают: *Николай Букин* и *Борис Кундрюцков.*

(6)

Точно море в час прибоя,
Площадь Красная шумит...
Что за сборище такое
У места лобного стоит?..

Вдруг толпа заколыхалась,
Проложил дорогу кнут,
Той дороженькой на плаху
Стеньку Разина ведут.

С головы казачьей сбриты,
Кудри черные как смоль,
Но лица не изменили,
Казни страх и пыток боль.

Поклонился он народу,
Помолился на собор,
И палач в рубахе красной
Высоко занес топор...

— Ты прости народ крещенный,
Прощай матушка-Москва
И скатилась с плеч казачьих
Удалая голова...

А в станице по над Доном,
Думу думает Иван...
— Где ж ты Стенька, где-ж ты Разин?
Где наш храбрый Атаман?..

(7)

Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржет, кого ждет,
В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка горьки слезы льет...
Вот из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых,
Идет к коню из церкви прямо,
С отцом в кругу своих родных...
Жена коня подводит к мужу,
Племянник пику подает...
— Вот, говорит отец, послушай,
Моих речей, сын, наперед...
Мы послужили Государю,
Теперь бы Дону послужить,
Так поцелуй же женку-Варю,
И Бог тебя благословит...
Даю коня тебе лихого,
Он добровит был у меня,
Он твоего отца седого.
Носил в огонь и из огня
А вот и пика боевая,
Подруга славы и побед,
А вот и шашка родовая —
С ней бился я, и бился дед...

. . . . . .

(8)

Снежки белые, пушистые,
Принакрыли все поля,
Одно поле не накрытое,
Поле батюшки мово...

Одно поле не накрытое,
Поле баюшки мово,
Среди поля есть кусточек,
Одинешенек стоит...

Среди поля есть кусточек,
Одинешенек стоит,
К земле веточек не клонет
И листочков на нем нет...
К земле веточек не клонет
И листочков на нем нет...
Никто девочку не любит,
Никто замуж не берет...

(9)

Славьтесь, славьтесь казачки,
Удальцы природы... .
Славьтесь, храбрые Донцы,
Мы на все пригодны...
Не страшит нас пуля, меч,
Не страшит ядро, картечь,
Рывы и долины,
Горы и стремнины...
Цариград нам знамя дал,
Да знают потомки —
Доблести своих отцов,
Наши славы громки...
С криком гиком — Ги-ги-ги,
Укажи нам где враги,
Мы врагов уничтожим,
И на месте положем...

(10)

Нас зовет на смерть за Волю
Из степей Родимых звон;
За Кубань и Бурный Терек,
За Родимый Тихий Дон...
Поклялись мы в жизни нашей
За Казачество идти,
Дай нам, Боже, до могилы
Честно стяг Донской нести...
Мы насилья власти чуждой
Не потерпим никогда,
Будь то Царская корона,
Или Красная звезда...

Международная жизнь.

Международная федерация журналистов.

В первых числах апреля славянская Прага, в стенах своего Парламента гостила исполнительный Комитет Международной федерации журналистов, составленный из 2-х представителей от каждой из общегосударственных организаций журналистов, входящих в федерацию.

Сама федерация является сравнительно еще молодой организацией — заложена она была в 1926 г. 13-го июня, в Париже, по почину синдиката, французских журналистов.

К настоящему времени в составе федерации находятся 24 профессиональных организации из 22-х государств (21 европейских и 1 Австралии).

Стремления к подобному об'единению были еще раньше — в 1894 г. была основана в Антверпене „Международная уния организаций печати", первый с'езд которой состоялся в 1898 г. в Будапеште. Целью ее было сближение всех деятелей печати и рассмотрение всех вопросов, относящихся к печати. В состав унии могли входить организации журналистов, издателей и общества смешанного типа.

К началу войны уния выполнила большую работу в области взаимного ознакомления журналистов всех стран, но разнородность интересов соединенных организаций мешали проведению однородной линии систематической работы.

Война прерушила деятельность унии, а по ея окончании долгое время продолжала еще действовать национальная неприязнь между бывшими сочленами, т. к. идея унии не запустила глубоких корней, которые бы дали возможность забыть взаимную неприязнь времени войны. Попытки воскресить унию остались безуспешными, а смерть „души ее" генерального секретаря Виктора Тенея окончательно сразила унию.

Чрезвычайный размах прессы и индустриализационные методы ее работы сами по себе принуждали работников умственного труда, какими являются журналисты профессионалы, искать форм профессиональных об'единений по типу синдикатных организаций рабочего типа, сосредотачивать свои разбросанные силы и противопоставить себя гигантской мощи прессовой промышленности, каковой она представляется в течении последних 20 лет.

Организационное движение журналистов всех земель проявило стремление следовать по этому пути; вначале было некоторое колебание, в особенности когда недоставало должной силы и отваги для преодоления различных препятствий. В одних государствах учреждались общества взаимопомощи, в других — товарищества для защиты интересов. В результате в некоторых государствах выросли могучие журналистические организации, как напр. в Австрии, Англии, Германии, Италии, являющиеся образцом для всякой вообще организационной работы журналистов других стран.

Разумеется, что процесс формирования журналистических организаций не был всюду одинаковым и не имел одних и тех же достижений; формы их были весьма разнообразны — начиная от об'единений всего лишь товарищеского характера или увеселительных и до совершенных профессиональных синдикатов. Состав членов их был тоже не одинаков — в одном случае это были строго только работники в журналистике, в других — там были и издатели, редакторы и администраторы, в соответствии с этим и уставы различных об'единений в каждом из государств были разнообразны.

Но все они, в одинаковой степени проявляли стремление к международному сотрудничеству и широкому об'единению. К настоящему времени это стремление идет такими шагами, что федерация журналистов является первенствующей среди иных об'единений умственных работников, и в этом нет ничего удивительного. По характеру своей профессии журналист имеет стремление к частым личным сношениям с людьми из чужих стран, должен знать более широко чужестранные условия и интересы, что для других категорий работников не является так доступным и необходимым.

Благоприятствует об'единению и одинаковость профессиональных интересов журналистов во всех странах и государствах. В результате всего этого на учредительном конгрессе федерации, состоявшемся 24—25 сент. 1926 г. в Женеве, организации журналистов 19 различных государств приняли устав федерации, душой и основателем которой был ее первый председатель, а теперь почетный, г. Жорж Бурдон, редактор „Фигаро".

Главною целью федерации является обеспечение свободы печати и отправления профессии журналиста, поэтому страны диктатуры, как напр. СССР, Венгрия и др. членами федерации не являются. Членами вообще состоят товарищества, об'единения или синдикаты журналистов профессионалов или по крайней мере тех, для которых журнализм является главным занятием.

Само собой разумеется, что для государств с незначительным населением и маленькой территорией делаются исключения в том отношении, что в организации состоят и писатели и корреспонденты. Этот же принцип применен и для организаций русских эмигрантских.

Каждая организация должна признавать основы профессиональной организации, т. е. договоры, установление минимальной оплаты и третейское разбирательство при спорах между издательствами и журналистами.

Федерация стремится к тому, чтобы выгоды и права которые были достигнуты журналистами в некоторых государствах, были осуществлены и в других.

Для этой цели при М. Ф. Ж. существует ряд специальных комиссий, пребывающих в различных странах. Во главе же организации стоит секретариат с избираемым на 4 года генеральным секретарем и исполнительный комитет. Комитет собирается каждые 6 месяцев, а его президиум — ежемесячно. Общий же конгресс созывается раз в 2 года.

М. Ф. Ж. состоит в постоянной связи с международными институтами: труда в Женеве и духовного сотрудничества, имея своего постоянного представителя при этих учреждениях Лиги Наций. В соответствии со всеми задачами федерации она стремится к установлению мира и спокойствия на земле, стараясь на международном форуме поднять и укрепить международную журналистическую мораль и соответственным образом влиять на повышение морального уровня общества — как высказался председатель федерации г. Георг Бернгард, выдающийся немецкий журналист, на приеме у президента Ч. С. Р. Масарика.

Важность и значение работ с'езда были особенно подчеркнуты отношением к нему со стороны ответственных руководителей ч.-с. государственной, политической и общественной жизни.

Да и сама федерация, об'единяющая на сегодняшний день около 25.000 членов, заслуживает того. М. Ф. Ж. является колоссальной державой в шестой части света — прессе.

Вот почему непосредственное знакомство ее правительства — исполнительного комитета, с вопросом казачьим и благожелательное отношение к стремлению казачьей журналистики занять равное место в Федера-

С'езд Исполнительного Комитета Международной Федерации журналистов в Праге.

ции, является большим успехом в деле нашей освободительной работы.

Уже одни практические выгоды участия в М. Ф. Ж. стоят того, чтобы казачьи журналисты и писатели образовали единую организацию, которая бы и влилась в М. Ф. Ж.

Дело освобождения наших земель не может осуществиться без моральной помощи заграничной общественности. А современное общественное мнение создается прежде всего прессой, т. е. журналистами.

Благодаря общей линии поведения журналистики и сотрудничеству журналистов всех народов, достигнуты уже весьма положительные результаты во всех отраслях жизни человечества; они будут тем большими, чем больше тружеников пера будет координировать свою работу с другими и чем больше будет выявляться практическая деятельность М. Ф. Ж.

В данном случае, систематическая, продуманная работа исполнительных органов М. Ф. Ж., была выявлена в докладах и дебатах с'езда разрешивших целый ряд вопросов и мероприятий строительства профессионального и международного.

И, что весьма показательно, — практические достижения журналистики малых государств и народов, принимались в основу дальнейших стремлений для осуществления их в общем масштабе; здесь каждый член был равноценен и по достоинству принимаем.

Пути по которым шла латышско-эстонская журналистика, чешскословенско-польская — создавшие соглашения или „Малая Антанта Прессы“ — Югославии, Румынии, Чехословакии были оценены „голиафами“ федерации и положены в основу работы дальнейшей.

Работа журналистики малых государств заслуживает специальной оценки на страницах нашего журнала, как образец для нашей, казачьей, деятельности; даже вводя эмиграционные коррективы, казачья журналистика может достигнуть многого.

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

Среди русской эмиграции.

„Заколдованный круг“.

Очень интересный спор идет между редактором журнала „Дни“ Керенским и сотрудником этого журнала с. д. Потресовым по вопросу о „ненависти к революции“, т. е. о том — нужна или не нужна революция против большевиков. В этот спор вмешались и „Последние Новости“ и тоже внесли в него свою „лепту“. В результате получилась интересная картина.

С.-д. Потресов за революцию против большевиков, против всякой диктатуры вообще. Он указывает, что всякая проповедь против новой революции способна угасить „духа борьбы“, „может вызвать впечатление, дезорганизующее всякую активность“, и что „во имя целостности России прежде всего нужно бояться не революции, а длительного сохранения большевицкой диктатуры“.

С.-р. Керенский — против новой революции, против новой „народной бури“, он за компромисс с большевиками и патетически изрекает: „чем длительнее существует в России большевицкое разлагающее народную душу самовластие, тем сокрушительнее для России будут неизбежные последствия стихийного свержения диктатуры, революционного взрыва. Россия сейчас в заколдованном кругу катастроф. Поэтому, чтобы избежать во имя жизненных интересов России этого „заколдованного круга катастроф“, нужно стучаться хотя бы и в наглухо закрытые двери, нужно „требовать от власти уступок до начала „народной бури“, нужно договориться с большевиками и на какой-то точке с ними сойтись, когда придет русский Бисмарк, утвердящий „империю на фундаменте всеобщего избирательного права“ („Дни“ №. 33).

Ну, а что говорят „П. Н.“? Они против революции, но в то же самое время как будто бы не исключают и путь революции.

Против революции определенно потому, что она может привести к освобождению и возрождению народов, входящих ныне в состав СССР, что может ослабить „Великую Россию“. Отметают все предлагаемые пути, ибо: „Нельзя представлять себе этот исход (падение большевиков) и так, как склонны представлять его некоторые левые круги: восстанет весь народ, низвергнет режим и введет свой собственный. Революция в таком стиле и размере, даже если бы она могла быть испробована, имела бы за собой успех едва-ли один шанс из сотни. И весьма возможно, что не достигнув цели, она дала бы лишь новый вариант разорительной гражданской войны. В лучшем случае, она закончилась бы частичными местными успехами, — иначе говоря, новым отделением от России каких-нибудь ее частей, при новом иностранном вмешательстве в пользу отторгаемых. Этих последствий нельзя не предвидеть; с ними нельзя не считаться. И вполне допустимо мнение, что при таких условиях, шансу всеобщей или частичной революции следует предпочесть, поскольку это в нашей воле — шанс ликвидации или перемены, идущей из центра“. („П. Н.“, №. 2951).

Одним словом, для удержания народов под Российским скипетром, необходимо, чтобы большевики переродились, сами себя ликвидировали и дали бы стране демократическую форму правления. Лучше глубоко и надолго заснувшая под пятою большевиков, и вывеской СССР, но дающая надежду на будущее величие Россия, чем свободная от большевиков, но не Великая Россия! Лучше не трогать большевиков, пока они сами пойдут на уступки.

Но вместе с тем, „это, однако, нисколько не значит, что следует непременно (замечательно это „непременно“) надеяться на мирное соглашение с большевиками или на примирение их со страной“. Вообще говоря, „процесс освобождения России от большевиков чрезвычайно сложный и трудный“.

Так люди, убеленные сединами, с отточенным умом, вооруженные глубоким знанием, становятся в тупик в вопросе о выборе путей и форм борьбы с большевиками. Это естественно и неизбежно, ибо в основе всех их рассуждений лежит нездоровое желание: во что бы то ни стало удержать под крышей России все народы и роковая боязнь — как бы эти народы не „ушли“.

А для всех тех, кто неподвержен великодержавной болезни, кто стремится к освобождению и возрождению своего народа таким, каким он есть, не возникает спора о ненависти или любви к революции против большевиков. Для этих народов, в том числе и Казачества, все пути, ведущие к свержению оккупационной власти и возрождению этих народов, — хороши.

Думы и мысли.

Христос Воскрес!

Мне грезятся сейчас степные перезвоны,
(Но, нет в душе прощенья)
Я будто слышу их и мысленно лечу туда, —
Душа кипит и просит только мщенья.
Тогда, когда, казалось, не было ни горя, ни печали,
Мы вместе этот светлый день встречали,
Неся с Заутрени пасхальные огни, —
Христос Воскрес!
В те светлые и незабвенны дни
Я помню: колокол соборный раззвучался,
А ему в ответ Троица и Монастырь, —
Христос Воскрес!
От врат церковных льется в тьме,
Гудит, летит по степи звон пасхальный.
Его подхватит вдруг Аксай и Маныч, Сал...
Гудят колокола, во тьме перекликаясь.
Серебрянной волной шумел красавец батюшка седой наш
И всюду царствует, все шире разливаясь, [Дон.]
Степной пасхальный перезвон.
И слышалось повсюду пенье:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!..
... То было так давно... И хочется рыдать...
Мой край, покинутый, так хочется поднять...

В. О—хов.

Морава. 28-IV-29.

Терскому В. Атаману Г. А. Вдовенко ко дню десятилетнего юбилея.

Ты знаешь, наверно, тот год роковой,
Когда Терек бурливый поник головой?
Ты знаешь, как Ермол пришел на Кавказ
И Вольному Терцу поднес он указ? —
И умер избранник тогда Войсковой,
А Тереком править стал Пан Наказной,
И Круг, как Хозяин, был должен то-ж умереть:
Наказной Атаман не хотел на него и смотреть!
Наказной! — он бойца-казака от себя отстранял,
Богача-Старшину он к себе приближал:
Появился чиновник, а за ним и дворянство, —
Пропала свобода... Народилось и панство!
У Старшин с казаком утратилась связь
И распря-вражда среди них началась;
Правители „сверху“ судей присылали,
Казачье единство совсем доконали!
У Казачьей Общины отнята ее роль
Из „центра“ ей слали особый и чуждый контроль.
И казачья мысль в тупик заходила порой,
Во всей жизни ясно был виден застой.
Наказной — он чужой! он казака и не знал,
Не знал он уклада его, да и знать он его не желал.
Цензик служебный, Наказной, приезжал отбывать,
Чтобы было ступеньки на лестнице легче считать!
И ты знаешь, как тогда Войско стало болеть,
Ты знаешь, как быстро казак стал беднеть,
И казалось — погиб уже вольный, свободный казак:
Он данником стал, он лямку тянул, как батрак!
Время же шло. Догорала во поле ковыль,
От Воли Казачьей оставалась лишь пыль...
Но не в книгах судеб, нигде, на роду
Не написано было пропасть казаку!
Воскресла свобода. Казак голову гордо поднял.
Но от кубка свободы головы не терял!
И, время не тратя, из старых могил
Он старые формы себе возвратил!
Явился Хозяин: Круг старый, седой,
И радостно Терек плескался волной!
Исчезнуть был должен чужой — Наказной
И равный из равных ожил Атаман Войсковой!
И, средь равных, голос народа на тебя указал:
Тяжкое бремя на плечи свои ты принял:
Ты волею вольных Народным Избранником стал
И этою волей Булаву Атаманскую в руки ты взял!
И десять уж лет, как ты, Атаман Войсковой,
На пост Атаманский законно избранный казачьей душей!
Иди же смелей! Да не сбейся с пути
И вновь с Войском под бури не попади!
Вспоминай-ка почаще старую быль!
Да не будет Воля Казачья, как пыль!
Равным средь равных места не делить!
Укажи старшине, где нужно ей быть!..
Иди же смелей! Не смотри на злобу, на злые наветы,
Иди, как велят вековые казачьи заветы!
Иди и веди! и бойцы-казаки все пойдут за тобой
И за Волю Казачью все встанут грудью — головой!
Десять уж лет, как ты Войсковой Атаман!
Слава Тебе, Тереку слава, слава его казакам!
Знают они, что с дороги казачьей ты не свернешь!
Знают: на поклон ты к казачьим врагам не пойдешь!

А. Ѳ. З.

По поводу нового „призыва“ генерала А. Богаевского.

Великий час когда настанет
И первый луч „Зари“ блеснет,
Трубач в станице заиграет
И атаман рукой махнет...

И пусть враги не строят козней —
Традиций лет им не менять;
Их голос уж теперь не грозен —
Казак сумеет устоять. („В. К.“, №. 34).

„Я не намерен оскорблять моего Атамана и унижать его достоинство, но гнетущая скорбь моей души“ побуждает меня написать эти несколько строк. Думаю, что эти строки и не будут относиться к Атаману, а только к личности ген. Богаевского, ибо, по моему пониманию, Атаман, по своему положению Главы Государства, не должен в качестве Атамана, выступать с политическими статьями на страницах периодической печати. Он выше политики, он выше политических разногласий. Повседневную политику „делает“ Правительство, каковое, хотя не в полном составе, имеется у Атамана.

Поэтому то, что написано на двух маленьких страничках журнала „Родимый Край“ №. 2, можно и должно понимать, как исходящее лично от ген. Богаевского. С этими оговорками, я хочу высказать свою печаль по поводу его последнего „обращения“.

Он начинает с утверждения, что самостийники ведут „к раздроблению России и превращению некогда могущественной державы в ряд мелких враждующих между собой уделов“, и призывает казаков „быть верными Великой, могучей России“.

Следовательно, если самостийники только теперь из-заграницы собираются разрушить „великую, могучую Россию“, значит она сейчас существует; значит под ее крылом наши братья-казаки стонут, страдают и умирают? Значит из за ее материнской ласки раздаются казачьи „вопли и стоны“; значит по ее любовному желанию „там наши братья в лохмотьях, со звенящими кандалами мужественно идут на красную Голгофу“?.. Значит, находясь под материнской опекой „великой, могучей России“, казаки с тоскою и надеждою пишут Атаману заграницу: „когда и на какую помощь мы можем расчитывать“ и спрашивают: „сохранилась ли казачья сила заграницей и что делается для того, чтобы ускорить час соединения с нами на Дону“?

Не хочется верить, что ген. Богаевский хотел сказать именно это.

Так зачем же искушать „малых сих“ призывом „не изменять“ не существующему Кумиру? Неужели на 11-м году большевицкого владычества еще нужно доказывать, что России уже не существует, а вместо него есть международно признанный СССР, в котором безраздельно царствуют твердолобые фанатики, производят неслыханный опыт над душой и телом всех народов, в том числе родного нашего Казачества, которое больше всех страдает, больше всех калечится, больше всех подвергается гонению?

Пристало-ли лицу, облеченному некогда высоким казачьим народным доверием, упрекать казаков в разрушении России, воскрешать былые сомнительные „казачьи грехи“? Ведь о „казачьих грехах“ на протяжении двух веков вся русская интеллигенция непрестанно кричала и теперь кричит. Ныне ген. Богаевский готов принять позу раскаивающегося перед русским народом русского интеллигента. Ему то (ген. Богаевскому) надлежало знать и громогласно об этом говорить, что не казаки разрушили Россию, а сам великорусский народ и, разрушая свой дом, он в казачьей крови потопил и Казачий Дом.

Зачем тревожить могилы предков для подкрепления своего неуместного „призыва“? Да, наши деды и отцы — „не глупее нас были“. Но за то же они в своих песнях нам оставили свое „завещание“:

Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш батюшка —
Басурманину он не кланялся, у Москвы как жить не спрашивался.

Когда горит дом, то не рассуждают о восстановлении горящего дома, а стараются спасти, что можно. А огромный российский дом, построенный по проекту плохого архитектора, вот уже 11-й год горит, а вместе с ним горит и наш родной, небольшой Казачий Дом и находится он в полосе самого сильного огня, под угрозой самого сильного пламени. Так грех-ли, преступление-ли призывать своих братьев спасать свой Дом, не обращая внимания на чужой? Кто имеет нравственное право требовать от кого-бы то ни было, чтобы он принес в жертву свой маленький Дом во имя его большого?

Ген. Богаевский признает, что борьба „с ядром России-Москвой... было бы вполне возможно, если бы „самостийники“ взяли вверх и вспомнили Смутное время“... и что, мол, казачки в силах отстоять свое право, но он не советует казакам делать этого, а призывает их к освобождению и укреплению „нашей общей Родины“, потому что „не в маленьком, бедном, обремененном долгами и налогами „самостийном“ государстве, никем не признаваемом, — счастливы будут казаки, а в составе великой, могучей России“.

Для того, чтобы оправдать свой „призыв“ ген. Богаевский, сидя в Париже, уже заранее, определил будущее Казачье Государство „маленьким, бедным, обремененным долгами“ и заранее предрешил, что его никто не признает. Видимо, это называется „глазом степного орла, зорким и далеко видящим, небоящимся блеска солнечных лучей, пронизать прошлое, а потом метнуть свой взор и в далекое будущее“.

Я не обладаю такой „дальнозоркостью“, но все же спрашивается — неужели же небольшие народы, хотя бы только славянские — Болгария, Сербия, Чехословакия, территории которых не больше и не богаче Казачьих Земель, так уж бедны, и люди в них так уж несчастны, что готовы войти под сень „великой, могучей России“ или другой какой-нибудь „великой, могучей“ страны. Конечно-же, нет!

Дай Бог такой „спокойной, мирной, счастливой жизни“, какой живут народы этих небольших славянских стран, того спокойного хода работы государственной машины, того темпа культурно-общественного развития этих стран населению той, чаемой Богаевским, „великой, могучей России“.

В устах казачьих „великодержавников“ аргумент „малость“, „бедность“ будущего Казачьего Государства является той „дымовой завесой“, которой прикрывается истинная сущность их стремления, чаяния. Эти чаяния заключаются в двух словах: „великая, могучая“. В этих словах зарыта вся собака.

Что ныне самостоятельно существующие небольшие славянские государства, на территории которых великие „великодержавники“ нашли приют и убежище, у народов которых нашли материальную и моральную поддержку, — живут полной народной жизнью и население их не несчастливы, — прекрасно знают господа, так брезгающие „малостью„ и „бедностью“ государств.

Но они также знают, что эти государства на международном концерте играют не первую роль. Вот где основная суть, основная причина, заставляющие их мечтать и призывать казаков к воссозданию „великой, могучей России“. Спасите нам, добрые казачки, своей кровью и жизнью, против воли самого великорусского народа, „великую, могучую Россию“, чтобы от ее имени мы могли играть первую скрипку на международном концерте, — вот их подлинная цель, переведенная на простой язык.

Но не пора-ли казакам перестать удобрять поля и пространства российские, обильными плодами которых пользовались и будут пользоваться претенденты на первую роль в международной жизни? Для тех, кто не собирается подчинять себе и властвовать над другими, для тех, кто искренно думает жить на равных основаниях, в братском содружестве со всеми другими народами, кто не стремится к господствующему положению, — „первая роль“ в международной жизни не нужна.

Ген. Богаевский пишет, что „за неимением ничего более серьезного, самостийники любят ссылаться на старые обиды и несправедливости со стороны прежней российской власти“, и призывает казаков простить им эти грехи. „Что было — то прошло!“

Трудно говорить о применении заповеди Христа к жестокой, повседневной политике. Но несмотря на это, казаки бесконечно много раз прощали, забывали все те грехи, преступления, надругательства над Казачеством, что позволяла себе русская власть в течение двух веков.

„Сколько раз прощать брату моему?“

Не скажет же ген. Богаевский: „Седмижды семь раз“?

„За неимением ничего более серьезного...“ Трудно себе представить всю легкомысленность вот этой небольшой фразы. Вдумывался ли в ее смысл ген. Богаевский, когда писал ее или диктовал? Ведь это называется подрубливанием того самого сука, на котором сидишь. Дело самостийников основано на той самой Конституции, на основании которой в свое время был избран ген. Богаевский в Донские Атаманы и которым он до сего времени остается. А эта Конституция гласит:

„1. Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“.

Никаких оговорок, никаких „раз'яснений“, никаких дополнений. Ясно, точно. Спрашивается серьезная ли эта вещь или не серьезная? Признает-ли он Донскую Конституцию без оговорок или не признает? Если же эта Конституция не серьезная вещь, то этим самым он признает несерьезным и звание Атамана-Президента. Дело, конечно, его понимания, совести. Но я с ним никак не могу согласиться, ибо считаю свою Конституцию и на основе ее избранного своего Атамана — началом и концом жизни Донского Казачества, символом казачьей самостоятельности.

В заключение ген. Богаевский призывает казаков „не обращать внимание на слова и фразы тех неразумных русских людей, ничего не забывших и ничему не научившихся, — которые презрительно смотрят на вас и обещают в будущем, когда у них „будет сила“, — согнуть казаков в бараний рог...“, а рекомендует обратить усиленное внимание на молчание тех умных русских людей, которые собираются хорошо к казакам относиться и которые скрываются пока-что где-то за спиною у Богаевского...

Стоит-ли на эту тему говорить. Казаки прекрасно знают цену всем подобным обещаниям, — не нужны Казачеству чужие „обещания“. Все больше и больше укрепляется сознание полной бесполезности ждать, что бы кто-нибудь „дарил“ казакам свое хорошее отношение, а нужно всем об'единившись, общим дружным усилием добиться такого положения, которое заставит всех относиться к казакам с должным уважением, признать их неоспоримое право на самостоятельную государственно-политическую жизнь.

С. Савельев.

Казачья эмиграция.

Поездка донских кадетов в Иерусалим.

В своем очерке о пребывании Донского Кадетского Корпуса в Египте Ю. Ф. Гончаров упомянул, между прочим, и о поездке кадетского хора в Иерусалим, подчеркнув, что эта поездка заслуживает отдельного описания. Внезапная смерть не дала ему возможности поделиться с читателями „В. К.“ воспоминанием об этой, как он выразился, „триумфальной поездке“.

Т. к. и я участвовал в этой поездке и ввиду того, что поездка эта, действительно, по моему мнению, заслуживает быть отмеченной, то и решил сделать то, чего не довелось сделать самому Юрию Федоровичу.

Мне кажется, что уж один тот факт, что донские кадеты-казаки, волею судеб занесенные куда-то к чертям на кулички, побывали и в Иерусалиме, заслуживает известного интереса. Ведь вы только подумайте: с одной стороны — кадеты-казаки, еще не забывшие запахов родных степей, а с другой — Иерусалим, являющийся центром не только Христианства, но и кой чего другого...

Кадеты и арабы на берегу Суэцкого Канала.

Думаю, что все слышали выражение „иерусалимский казак“. Мне вот даже вспомнился один очень забавный (не для всех, впрочем, забавный) случай.

Это было в 1922 году в Варне. Как-то в воскресенье приехал туда г. Гребенников. Целью его приезда был доклад казакам Варненской станицы на тему о том, следует-ли уполномачивать С. Х. С. послать „ходоков“ на родину для ознакомления... Доклад этот особого успеха не имел, т. к. г. Гребенников, хоть и представился в шароварах с алыми лампасами, но все же „ляпнул“ одну совершенно, на мой взгляд, необдуманную фразу:

— Советская власть, как и всякая народная власть (только в пьяном виде и можно сказать такую вещь) — очень эластична.

Присутствующих казаков затошнило уже и от одного этого. Ну, так вот представьте себе состояние упомянутых казаков, когда вдобавок к этому, во время прений, единственым человеком, поддержавшим докладчика оказался один чернявый, крючконосый, „лопоухий“, сильно картавящий и жестикулирующий суб'ект. Кто-то возмутился и крикнул.

— Да ты не иерусалимский-ли казак?!

— Ну, я же вам говорю, что таки да — он оказался „иерусалимским казаком“.

Не думаю, чтобы докладчика устраивала такая поддержка.

Упомянул я об этом случае, во-первых, потому, что к слову пришлось, а во-вторых потому что как-раз с такими-то вот „иерусалимскими казаками“ у кадет-хористов произошла довольно крупная неприятность в Иерусалиме. Само собою разумеется, что эта „история“ не является темой настоящего очерка, но упомянуть о ней все же нужно, хотя бы в конце, т. к. „историей“ этой как-бы „завенчалось“ пребывание кадет в Иерусалиме.

Корпусной священник, о. Димитрий Троицкий, вернувшись из Палестины, где он посетил все Святые Места, решил, как говорится, пробить лоб, — но устроить поездку хора в Св. Град.

Нужно заметить, что жизнь донских кадет в лагере около Измаилии была, в общем, довольно монотонна. Правда, Директор Корпуса, ген. А. В. Черячукин, человек большой энергии и очень, кстати сказать, любимый кадетами, прилагал все свои усилия к тому, чтобы дать кадетам возможно больше здоровых развлечений, но ведь не нужно забывать, что было это в конце 1920 года, когда тоска по Родной Земле чувствовалась настолько еще сильно, что ни кино, куда каждую среду водили человек 20—30 кадет, ни спорт, ни поезд-

ки в лодке на „Пресные Озера“, находящиеся в 10 километрах от Измаилии, не могли развлечь кадет настолько, чтобы заглушить в них острое чувство горечи. Даже малыши „сугубцы“ младших классов, — и те не так уж были беззаботны. Как-то один из таких, не „зверей“ даже, а „зверенышей“, презрительно сквасив губы и кивая головой в сторону Суэцкого Канала, изрек:

— Дон — шире!

Так приблизительно было и во всем:

— Тополя и вербы — лучше пальм!

— Сливы — лучше фиников!

— Дон — лучше Египта!

А тут еще жара. Где там до развлечений, когда термометр показывает больше 50 градусов по Цельсию! Когда же начинал дуть с пустыни знаменитый „хамсин“, то прямо таки задыхались от жары. Единственным спасением в такие моменты являлся душ, под которым кадеты зевали на манер полудохлых сазанов.

У кадет, состоявших в хоре, было, разумеется, больше „развлечений“, чем у других, т. к. хор довольно часто выступал в Измаилии (например, в клубе Камп. Суэцк. Кан.) и время от времени приглашался в частные дома: к французам и англичанам. Иногда ходили петь в греческую церковь, что тоже являлось известного рода развлечением.

Такие-же вещи, как поездка в Каир и в Иерусалим, приводили кадет в такой восторг, что временно забывалось все: и то, что где-то там, за несколькими морями, остались дом, мать, ... синеглазая девушка; и то, что будущее с каждым днем становилось все более неопределенным и сулящим очень мало радостей...

Так вот, говорю, о. Димитрий Троицкий решил, во что бы то ни стало повезти кадетский хор в Иерусалим, Этим он хотел, во-первых, доставить удовольствие кадетам, а во-вторых, — похвалиться своим хором там, в Палестине, где никогда не слышали хорошего смешанного хора. Похвалиться, действительно, было чем: хор был прекрасный, хорошо спевшийся и с великолепными солистами — „вожаками“. Одним из таких „вожаков“-солистов был, кстати, и Ю. Ф. Гончаров, у которого до 7-го класса сохранился дивный альт.

На поездку нужно было найти фунтов 30—40. Предполагалось следующее: взять у кого нибудь взаймы эту сумму, дать в Иерусалиме концерт и вырученными деньгами заплатить долг и обратную дорогу. Вначале не везло. Директор не мог дать денег, т. к. состояние корпусной казны было довольно плачевное. В конце концов, после долгих исканий, надежд и разочарований, когда все уже изнервничались до безобразия и забросили науки, — средства нашлись. Часть дал взаймы корпусной врач д-р Александров, остальное — приставленный к корпусу английский капитан Крэгг (он же, кажется и пастор и врач). Кап. Крэгг взял на себя хлопоты по изготовлению паспортов и виз.

И вот, на 2-й день Рождества 1920-го года, хор, правда не в полном составе, выехал в 9 часов вечера в Палестину.

———

Через час были уже в Кантаре, пограничном пункте между Египтом и Палестиной. Формальности всякие, проверка, а в общем, — комедия одна, т. к. и по эту и по ту сторону хозяйничает одна и та же публика: — англичане.

Хор Донского Кадетского Корпуса. В центре — регент, хора Н. М. Верушкин.

Перейдя по мосту через Суэцкий канал, мы очутились уже на территории Палестинского государства. От этого места (Зап. Кантара) идет вглубь Палестины железная дорога, построенная англичанами во время войны.

Нас сразу же ожидал сюрприз: поезд отойдет только утром, т. к. по имевшимся сведениям, где-то в глубине пустыни, предполагалось нападение бедуинов. Днем же они не решаются нападать на поезда. Скажите: настаивали-бы вы на немедленном от'езде, имея в перспективе такое приключение?.. То-то и оно! Мы тоже не настаивали, а спокойно улеглись в вагонах на ночлег, чтобы подождать утра.

В 4 часа утра поехали. Из окна вагона видна была некоторое время только голая, лишенная всякой растительности, пустыня. Иногда попадались какой-нибудь обалдевший шакал или гиена, но быстро улепетывали, испуганные, до полусмерти нашим поездом. Через некоторое время появились уже кой-какие кустики, потом — довольно густые заросли кактусов. Дальше группы пальм. Местность менялась. После пальм пошли уже сады и апельсиновые рощи. От библейского гор. Газог, где когда-то пророк Самсон разрушил храм и вынес ворота на плечах за город, апельсиновые рощи тянутся вдоль полотна железн. дор. вплоть до узловой станции „Лидда“, где мы пересели в другой поезд. Неподалеку от этой станции — место жизни великомученика Георгия. Там имеется монастырь.

Подлинная Палестина, библейская Обетованная Земля, начинается только от этой станции.

И — удивительное дело — как только от'ехали от этой станции, так у всех появилось какое-то особенное, приподнятое настроение, которое усиливалось по мере приближения к Иерусалиму. Впрочем, все располагало к этому: красноватые горы, яркая пестрота костюмов местного арабского населения, рассказы и пояснения о. Димитрия и сознание того, что проезжали теперь места, где, около 2000 лет тому назад, ходил Христос, и приближались к Иерусалиму, к центру главных Святынь Христианства, куда вот уже в продолжение целых веков ходят на поклонение тысячи, миллионы паломников...

Мне вот даже вспомнилось сейчас, как до войны один казак моей станицы, порядочный бабник и поклонник „огненной воды“, после одного вещего сна, пошел в Иерусалим пешком. Пешком же пришел и обратно, принеся много крестиков, иконок и других священных предметов. После этого путешествия он сделался приблизительно таким же набожным человеком, как и другой казак моей станицы, поразивший всех и прославивший-

ся тем, что с пением „Богородице Дево, радуйся“ пешествовал по двинувшимся „крыгам“ с одного берега Донца на другой.

———

В Иерусалим приехали под вечер. Нас пришли встречать представители Русского Генер. Консульства, Духовной Миссии, Палестинского Общества и Иерусалимской Патриархии. Местное английское командование прислало несколько автомобилей, которые и доставили нас на Елеонскую Гору, место Вознесения Христова, в русский женский монастырь. Встретили нас колокольным звоном. Все монахини, во главе с игуменьей и затворницей-схимонахиней, со священником в облачении и с иконами, встретили нас у входа в изящную церковь, построенную на месте древнего византийского храма, от которого сохранился и по сию пору мозаичный пол.

Монахини плакали...

После короткого молебна, приведя монахинь в неописуемый восторг своим пением, („Ангелы вы наши небесные“!) мы пошли в монастырскую „иконописную“, где для нас было приготовлено все: диваны, одеяла, подушки. Здесь мы и „квартировали“ до самого от'езда.

Поужинав в трапезной и погуляв по монастырскому саду, среди масличных деревьев и кипарисов, мы улеглись спать в „иконописной“, из окон которой, кстати, днем открывается вид на глубокую долину и чуть синеющее вдали Мертвое море.

С этого вечера и началась для нас не жизнь, а какая-то волшебная сказка, длившаяся до самого от'езда. Сколько пришлось увидеть за 13 дней нашего пребывания там! Какая масса впечатлений, оставивших след на всю жизнь!

Ив. Егоров.

(Продолжение следует).

„Нехороший случай“.

Несколько месяцев тому назад в Румынии (Галаце) умер донской казак, старик Григорий Селеверстович Пристансков. Как бывший неплохой хозяин дома и как уже старик здесь, на чужбине, покойный никогда не забывал, что надо „беречь и копить копейку“. Рассчитывал, что если Бог даст возвернуться домой, то чтоб не притти с голыми руками (ведь дома чужие засмеют, да и от своих тоже будет неловко — ведь какое кому дело, как на этой, чужбине жили). Вот покойный и берег, насколько только мог беречь глубокий, но не утерявший веру в жизнь старик, имеющий единственный скудненький источник к своему существованию — „ложечное“ ремесло (сидя дома, делал из дров ложки, котцы, ножи, „гадюк“, „казачков“ и „товар“ свой продавал на базаре). А если же придется на старости лет (все ведь ходим под Богом) сложить свои кости на чужой земле, то чтоб было на что похоронить свое грешное тело, а также и помянуть, а если, что и лишнее найдется, то чтоб станичники переслали домой, жене и детям. Словом „жив гадая живое“...

И вот, когда старик умер, то сожители — казаки нашли в рухляди покойного вкладную книжку одного из местных банков, на сумму в 20.000 рум. лей и маленькую расписочку одного русского полковника, г. Рудова (тоже проживающего в Галаце) на такую же сумму, т.-е. на 20.000 лей.

С банковскими деньгами, разумеется, дело так или иначе устроится. Оне перешлются домой, стариковой бабке и его уже большим теперь детям. Но с деньгами, что у полковника Рудова, дело обстоит пока как-то подозрительно, как-то „нехорошо...“

Быть может никто бы никогда и не узнал, что русский полковник Рудов „подлотался“ к доверчивому покойнику, взяв у него на „хранение“ 20.000 лей. Но несчастный клочек бумажки (расписка полк. Рудова) случайно открыл этот „нехороший случай“. И „нехороший“ вот почему. Все деньги, которые кем-либо у кого-либо берутся на хранение, возвращаются, а вот полк. Рудов не сделал так, когда казаки показали ему его расписку. У него вышло другое „хранение“, ибо он, совершенно ничем не мотивируя (надеясь на беженское бесправие казаков, а полк. женат на румынке...), отказался уплатить взятые им у доверчивого старика деньги.

Но это еще не все. Нашелся после этого „недоразумения“ один и живой, который тоже отдал свои деньги в „надежное место“ — на „хранение“ и опять тому же полк. Рудову.

Молчавший доселе (никогда не говоривший даже близким своим казакам) другой старик, Назаров Маркей Дмитриевич, видя такое „хранение“ полковником денег покойного Пристанскова, сробел, и волей-неволей должен был открыть свою „тайну...“ что он тоже имеет расписку, выданную ему тем же полк. Рудовым, на сумму 32.000 лей.

С живым Назаровым полковнику было как-то и грудней и совестливей, и он на пред'явленную расписку Назаровым заявил, что „сейчас не имеет денег“, но тут подвернулась жена полковника, которая выдала своего мужа совсем с головою, заявив в глаза живому Назарову. — „Да, что, мошуле (по-рум. — дедушка), разве мы брали у тебя деньги?“ А обескураженный „мошуле“ и говорит: „Да, как же это так, мадам? Ведь вы же сами, своими руками взяли у меня деньги. И стали считать по одной тысяче, и их было 32 штуки...“

Еще почему-то надеемся на полковника „русской армии“. Надеемся, что он свою „армию“ не подведет...

Ведь не только „полковник“, а даже простой солдат едва-ли пойдет на такое „хранение“ чужих денег... Не всякий решится богатеть на тяжелые недоедки доверчивых казаков (Пристансков даже и умер от катара желудка, все экономя, натягивая). Ведь и у полковника есть жена (которую он приобрел тут), и есть она и у Пристанскова и Назарова. Правда не тут, а там, но это еще хуже для полковника. Не только, г. полковник, грех от Бога, но ведь и стыдно от людей...

Больно казакам от „нехороших случаев“. А между тем сами же виноваты...

Вот что мне пишет по поводу этого „несчастного случая“ старший казаков этого города.

— „До смерти Пристанскова я ничего не знал о том, что есть у него деньги и где они. Видимо они (и покойный и живой Назаров) даже скрывали от меня. А вот чужому, какому-то русскому полковнику доверились и дали ему на сбережение“...

Казаки по натуре люди очень доверчивые, а это не всегда хорошо. Быть доверчивым — дело неплохое, но нужно знать кому доверяться. Будет без промаха, если вы будете доверяться только своим же, казакам, а от всех к вам подлатывающихся чужих отхиляйтесь, как черт от ладана. Для этого я и написал вам здесь эти печальные строки...

В. П.

Нехорошая и неумная шутка.

В первомайском листке — „газета-журнал“ „К. З“. напечатана „справка“ следующего содержания:

„В № 33 журнала „Вольное Казачество“ стихотв. Юрия Гончарова — „Я сегодня с иконою темной...“ помечено: Памяти О... и стих. — „Ты откуда пришла?“ датировано 10 февр. — по имеющимся в редакции „Казачьей Земли“ документальным данным первое стихотворение без посвящения и второе — от 10 марта 1929 г“.

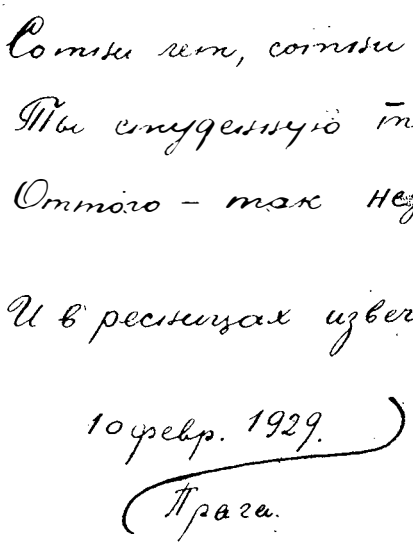
Чтобы опровергнуть „документальную“ ложь „К. З.“, ред. „В. К.“ вынуждена была сделать специальное клише части стихотворения Ю. Гончарова, посвященного им А. С. На этом клише читатели убедятся (особенно те, которые знают почерк покойного), что никакого „подвоха“ редакция „В. К.“ в адрес покойного Гончарова не сделала: стихотворение датировано самим автором 10 февр.

Что касается стихотв., посвященного памяти О..., то подобного клише не можем сделать, т. к. редактор, готовя стихотворение к печати, не думал сначала помещать „посвящение“ и (ошибка! как теперь оказывается) вырезал соотв. место (дело касалось его только недавно умершего сына). Потом все же решено было печатать так, как хотел сам покойный. Маленький кусочек бумаги, к сожалению, затерялся. Тем не менее, и благодаря тому, что покойный автор из своего „посвящения“ никакого секрета не делал, мы можем подтвердить правильность и наличие посвящения стихов., которое начин. „Я сегодня...“ — „памяти О...“ свидетельскими показаниями, что и делаем, помещая ниже

два письма в редакцию, подписанные четырьмя человеками. Думаем, что этого достаточно, чтобы опровергнуть и второе ложное утверждение „К. З.“

Спрашивается: зачем это было делать?

— Господа из „К. З.“, оставьте мертвых в покое!

Чтобы не было никаких недоразумений в будущем, заявляем наперед, что в никакие споры и полемику с „К. З.“ вступать не будем, как не будем реагировать другой раз ни на какие „справки“. Думаем, что читатели „В. К.“ нас поймут.

Некоторым же молодым людям скажем:

Чтобы делать пакости, большого ума не нужно. Другое дело — творчество, созидание. Так вот: попробуйте сделать что нибудь хорошее!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

М. Г., Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить в уважаемом журнале „Вольное Казачество“ следующую справку:

В 1-м номере „Казачья Земля“ была напечатана фактическая справка относительно стихотворения покойного Юрия Ф. Гончарова, напечатанного в журнале „В. К.“, № 33, как посвящение памяти О..., — якобы это стихотворение не было посвящением.

Мы заявляем, что это стихотворение действительно было посвящено памяти О..., ибо перед тем, как дать свое посвящение для напечатания, покойный Юрий Гончаров был у нас в доме и просил совета, удобно ли ему поместить это посвящение сыну редактора и будет ли это тактично. Мы посоветовали ему дать это стихотворение, именно, как посвящение, что Ю. Гончаров и сделал.

Любовь и Михаил Самсоновы.

Прага.

М. Г., Г-н Редактор!

Просим напечатать в редактируемом Вами журнале „В. К.“ нижеследующее:

Мы, соработники покойного Ю. Гончарова по редакции „В. К.“, из его с нами разговоров знаем, что стихотворение, помещенное в № 33 „В. К.“, действительно посвящалось им „памяти О...“.

Оно было уже оставлено им в редакц. портфеле с материалами, но было взято на другой день обратно, (о чем ред-р не знал).

„... Может быть неудобно будет на чужое горе стихотворением откликаться“ — говорил он одному из нас.

„... Боюсь, как бы люди не подумали, что я пользуюсь случаем зашибить кроны“ — говорил он другому.

Стихотворение это мы читали и каждый из нас видел на нем надпись: „памяти О...“.

Заявление это делаем по поводу „справки“ данной на стр. „Каз. Земли“ № 1, относительно этого стихотворения.

С. Балыков, Е. Прокопов.

Письмо в Редакцию.

М. Г-рь, Г. Редактор, просим поместить в ближайшем номере журн. „В. К.“ нижеследующее наше заявление, которое одновременно посылается нами и в Редакцию журнала „Родимый Край“.

Мы нижеподписавшиеся, б. члены „Литературной Казачьей Семьи“, настоящим заявляем: 1) что наш уход из „Л. К. С.“ ни в коем случае не вызывался каким бы то ни было давлением на нас со стороны общественных казачьих организаций и вышли мы не ради „удовлетворения самолюбия водительствующих“ (Каз. Земля № 1), а каждый из нас принял решение самостоятельно, в разное время, но по одной и той же причине и, к счастью, без отеческого совета „выборного семьи“ И. И. Колесова.

Причина нашего ухода — сам подписавшийся под письмом во 2 номере журн. „Родимый Край“ выборный Ив. Ив. Колесов и его поступки.

Инциндент в редакции „В. К.“, где Колесов допустил грубое физическое воздействие „в защиту правоты своего суждения“, не может нами расцениваться иначе, как поступок недостойный культурного человека, поступок позорящий имя интеллигентного казака, тем более претендующего на представительство литературных сил Казачества.

Первыми вышли те члены „Л. К. С.“, которые были непосредственно свидетелями его гнусного поступка.

Другая часть членов „Л. К. С.“, не бывшая в Праге, ознакомившись всесторонне с происшедшим инцинденом, предложила Колесову сложить полномочие председателя „Л. К. С.“, на что он „просто“, как „выборное“ лицо, ответил:

„Не считаю себя виновным, слагать с себя полномочий не собираюсь, свалите!“

Может быть по Колесовской этике и его понятиям это общественно, допустимо, не спорим, но ведь таких, как он — выборный — в литературной среде нет. Последовал выход из семьи.

Аналогичный случай произошел с группой членов „Л. К. С.“, живущей в провинции ЧСР.

Случайное присутствие в Праге этих членов „Л. К. С.“ дало им возможность детально ознакомиться с положением дела. Решение их было таково:

Собравшись на совещание „Л. К. С.“ предложили они Колесову расформировать семью, или сложить полномочия председателя и выйти вообще из состава членов „Л. К. С.“, если ему дорога организация. На что Колесов ответил категорическим отказом.

„Распустить семью? — Ни за что! Уйти из семьи? Никогда! Останусь один, но не выйду“.

Конечно, ничего другого не оставалось, как выйти из состава семьи.

У литературной Каз. семьи не было ни устава, ни писаных законов, жили по казачьим традициям, веря в честность и порядочность друг друга, а потому не можем запретить Ив. Ив. Колесову пользоваться званием „выборного“ семьи, хотя в семье то остался он один.

2) Опасения же Колесова за лозунги „К. Л. С.“: „Да здравствует Казачество, да здравствует каз. худ. литература“, считаем преждевременной тревогой, ибо они лежат в основе вновь образованного „Об'единения Каз. Лит. Сил“, в состав которого вошли почти все бывшие члены „Лит. Каз. Семьи“.

Б. члены „Лит. Каз. Семьи“, живущие в Праге:

Поляков К.; Балыков С.; Самсонова Л.; Стариков Т.; Самсонов М.

Глубокоуважаемый, господин редактор!

Прошу Вас поместить на страницах Вашего уважаемого журнала мое заявление о том, что я, с 29 сего апреля, не считаю себя больше в числе членов Литературной Казачьей Семьи.

С совершенным почтением В. Курганский.

Белград 29-IV-29 г.

От редактора. Некоторые обстоятельства вынуждают меня поместить ниже и то сопроводительное письмо, при котором г. В Курганским прислано свое письмо о выходе из „Лит. Семьи“ и в котором он говорит о мотивах своего ухода из нее.

Делаю это очень неохотно и исключительно в целях самозащиты, т. к. кто же его знает кому и что еще писал и пишет обо мне г. Колесов.

Письмо это помещаю без всяких комментарий, т. к. думаю, что они для того, кто его прочтет, совершенно излишни.

Вот оно:

... „Написать настоящее письмо меня заставили два обстоятельства. Во-первых, — я давно уже собирался послать заявление о выходе из Л. К. С., а во-вторых я на днях получил письмо от И. Колесова!

Он пишет мне „секретно“, но я не считаю себя вправе скрывать то, что он пишет о Вас и своем конфликте с Вами. К письму приложено нечто вроде информации, написанной от руки с помощью копировальной бумаги. Это заставляет меня предполагать, что подобные информации посылаются не мне одному.

Письмо и информация содержат подробное описание конфликта г. Колесова с членами Об'единения, когда он „ударил по зубам“, „разметал стулом“ кого то, а потом вызвал Вас на дуэль(!?), от которой Вы отказались, т. к. „не каждый может спокойно видеть направленное на него дуло револьвера!..“ Затем идет ряд грязнейших обвинений, он буквально обливает Вас, а заодно и всех деятелей Великого Дела грязью.

В конце он отечески советует мне выйти из Л. К. С., т. к. иначе мои произведения не будут печататься в „В. К.“

Это письмо возмутило меня до глубины души. Если я до сих пор колебался, отчасти считая (простите ради Бога, но я люблю всегда быть откровенным) в Вас немного виновным во всей этой истории, то теперь я ясно убедился, — что за человек этот Колесов и иметь какие либо дела с ним я не желаю...

Распорядитесь теми сведениями, которые я Вам посылаю по Вашему усмотрению. Конечно мне неприятно, что приходится разглашать известия, переданные мне секретно, но, повторяю, иначе поступить я себе вправе не считаю!

Пока всего хорошего... Пусть идея Великого Дела поможет Вам!

Преданный Вам В. Курганский.

Господину Редактору Журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Ввиду моего вступления в число членов „Об'единение Казачьих Литературных Сил“ и одновременного ухода из „Семьи“, прошу Вас не отказать в любезности напечатать об этом в редактируемом Вами журнале.

Прага. С совершенным почтением П. Поляков.

„Казачий Журнал“.

В Париже вышли в свет первые три номера „Казачьего Журнала“. Редактор-издатель журнала Е. Д. Коновалов.

Адрес редакции: Mr Konovaloff, 19 rue Bosquet, Paris VII.

Жаль только, что в „Казачьем Журнале“ слишком много неказачьего материала.

Украинцы и кубанцы, поставившие с большим успехом „Невольника“ в Смедерево.

В Югославії.

(*Лист із Смедерево*).

Аматорський гурток українців та кубанців влаштував виставу (спектакль) „Невольник“. Вистава пройшла з великим успіхом. Виступи артистів-аматорів були бездоганні. Перш усього видатний вибір сюжету з українського народнього репертуару, а далі гарне вишколення й здисциплінування молодих артистів-аматорів, що треба признати заслугою справжнього артиста-режісера І. Д. Коробко. Зацікавлення виставою вже напередодні було надзвичайне, бо заздалегідь квітки були розпродані, а в день вистави багато публики не мало змоги попасти на виставу, поверталось додому. Вистава залишила дуже добре враження, не лише на своїх але і на сербів. Вплив був величезний. Серби, навіть не знаючи мови, але ознайомлені, з добре написаного лібрето, зі змістом „Невольника“, який нагадував їм їх власне минуле — турецьку неволю, були захоплені грою, на салі чути було нераз плач, а після вистави лунало „какво лепо, какво́ лепо“ (як гарно, як гарно).

На бажання публики виставу прийшлося повторити на другий день з таким же успіхом як і на передодні.

Гурток готує зараз „Хмару“ Суходольского.

Вітаючи добрий почин молодого гуртка, треба побажати йому такого ж успіху й надалі. Ф. Б.

Скорбная страница.

Корреспондент „В. К.“ сообщает из Нью-Иорка, что там 12 апреля с. г. умер казак Донского Войска М. М. Казьмичев (Скальдов), б. нотариус в г. Новочеркасске, б. член Донского Войскового Круга.

Умер еще один казак — проповедник казачьего идеала, — не увидев торжества своей идеи — возрождения Свободного, Вольного Казачества, вдали от родной земли.

Да будет легка земля ему на далеком Новом Свете.

† И. Я. Кислов.

24 апреля 1929 года, в час дня, скончался В. Търновской Русской больнице от скоротечного туберкулеза наш дорогой казак, Иван Яковлевич Кислов. Родился он в станице Константиновской Д. О. в 1897 году. Мичман Балт-флота.

Станица Алексеевская потеряла любимого члена станицы, донского казака Ивана Яковлевича Кислова.

Часто слышали мы его слова о Вольном Тихом Доне. Но неумолимая смерть схватила его в молодости, унесла глубоко в сырую землю, все слова и мечты его за Вольный Тихий Дон остались нам воспоминанием.

Спи, дорогой казак.

Когда вернемся на Тихий Дон, соберемся казачьей семьей и вспомним твою мечту.

Вечная память, дорогой Ваня.

23/IV 1929 г. Гор. Ореховицы.

Алексеевской Станичный Атаман **И. Васильев.**

В Казачьих Землях.

С Кубани.

... Получил от сестры отчаянное письмо: сыну отказали в аппеляции, а следовательно бескровно умертвили, а с ним и их, ибо старики уже не могут работать и нет надежды, что невестка удержится, т. к. она жена своего мужа, следовательно, тоже преступница, да и что когда и молодые не могут работать, а таких тысячи тысяч и стон стоит над землей нашей..., вся жизнь моятолько в переписке, поэтому я и не поехал на зиму к теплой печке, которая так неожиданно остыла, да и вообще там, в станице, с давних пор, климат для меня стал очень „вреден“.

Между прочим, не могу не пожаловаться на проклятый холод, который уж не знаю откуда идет: от вас ли к нам, или от нас к вам; подумайте, — 22-го апреля снег целый день валил и два дня морозы были здоровые; говорят, садоводы волосы себе рвали на голове: косточковые фрукты все погибли и виноград очень пострадал.

Вообще судьба бьет нас всячески, может быть за подлое отношение к религии, которую стараются забыть всячески: в этом году школы всякого рода будут праздновать майские торжества на Страстной неделе, а в воскресенье на первый день Пасхи будут заниматься; вероятно заставят и торговцев торговать, а государственные магазины уже конечно, положим частных у нас почти уже совсем не стало. Запрещена выпечка пасхального теста в кондитерских и продажа красок для яиц, а зато будет вестись усиленная антирелигиозная пропаганда в эти дни; ну, а за грехи нечестивых страдают и другие, как это было в древне еврейской истории ...

Библиография.

Шолохов. Тихий Дон, книга II. Роман.

В номере 28 „В. К.“ я говорил о первой книге этого романа из жизни донских казаков и, положительно отзываясь о ней, в конце заметки выражал опасение, как бы автор во второй книге, в описаниях событий 1917—18 годов не преподнес обесценивающих книгу тенденциозных освещений.

С удовольствием признаюсь, что в своих ожиданиях я ошибся.

И вторая книга Тихого Дона насыщена достоинствами и также читается с неослабевающим интересом. Автор и в этой книге старается, и в большинстве случаев с успехом, верно осветить события тех дней, вернее и точнее передать душевные переживания своих героев-казаков фронтовиков, стариков и казачьих общественных деятелей и офицерства.

Этим Шолохов лишний раз выявляет себя как настоящий художник. Он, видимо, изрядно покопался в архивных документах, так как многие места романа пестрят подлинными воспроизведениями документов, вплоть до дат, нумераций, даже карты-схемы движения Крымовского корпуса к Петрограду.

В романе выведены все более или менее видные деятели Дона того времени со своими подлинными делами и словами.

Приятнее всего то, что Шолохов с нескрываемой любовью, тщательно и верно рисует картины казачьего быта и, так-же, как и в первой книге, хорошо выдерживает казачий говор.

Почти каждый донец, герой Шолоховского романа, казак или офицер, по своему горит любовью к своему Дону, считая только его своей родиной и — презрение, недоверие и опасение к Москве, к мужикам — в их словах.

Со многих строк, из под умелого пера автора тонко, но упорно веет национальный, донской самостийный дух:

... „все же это (казачество) — маленькая, обособленная нация, по традиции воинственная, а не то что какой либо фабричный или мужицкий сброд“ — думает ес. Листницкий.

... „ты пойми то, што нам казакам нужна своя власть, а не иная, а с мужиками нам не по дороге, — гусь свинье не товарищ!“ — говорит казак Урюпин.

Совещание офицеров 14 полка, прибывшего в Петроград для защиты Временного Правительства заканчивается пением старой казачьей песни:

„Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш батюшка — Бесурманину он не кланялся, у Москвы как жить не спрашивался“...

... „Я до чортиков люблю Дон, весь этот старый, веками складывавшийся уклад казачьей жизни. Люблю казаков своих, казачек — всё люблю!.. От запаха степного полынка мне хочется плакать“ — говорит ес. Атарщиков после этой песни.

... „Я не мыслю самостоятельного и обособленного существования одной Донской области. На основах федерации, то-есть об'единения, мы будем жить совместно с Кубанью, Тереком и горцами Кавказа...

... прежде всего избавимся от политической опеки, восстановим свои уничтоженные русскими царями порядки, выселим всех пришлых иногородних. Земля эта — наша, кровью наших предков полита, костями их удобрена, а мы, покоренные Россией, четыреста лет защищали ее интересы и не думали о себе. Нам не нужно ни тех ни других. Нам необходимо свое, и прежде всего избавление от всех опекунов — будь то Корнилов, или Керенский, или Ленин“ — говорит Изварин.

Подобных мест в романе много.

С чисто художественной точки зрения к плюсам нужно отнести и обилие незатасканных слов и оригинальных оборотов речи. Даже описание природы у него читается с охотой, с удовольствием.

Есть, по моему, один недостаток у Шолохова. Это — слишком без нужды откровенное сквернословие в некоторых местах; этим он кладет в бочку меда ложку дегтю.

Казакам прочесть эту книгу необходимо; много острых воспоминаний дает она.

Будем ждать от автора третьей книги, надеясь, что и она также будет интересна для нас — казаков. Только напрасно автор Каледина и Назарова называет „наказными“ атаманами.

С. Балыков.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва". Кн. 2.

Печатается книга

И. Ф. БЫКАДОРОВА

I. Историческая жизнь на Востоке Европы и происхождение Казачества.
II. Образование вольных казачьих республик (Донского, Волжского, Яицкого и Терско-Гребенского Войск), и основы их существования в период государственной независимости (до 1671 года).

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО"

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24 ,Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0·75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 144.